

Шамиль ТАШАЕВ

СКАЗКИ
бабушки Пенышъ

**Институт Психотерапии и
Трансперсональной
Психологии
Притчи-сказки из
трансперсональной
Реальности**

Шамиль ТАШАЕВ

***СКАЗКИ
бабушки Пенышь***

**ИЗДАТЕЛЬСТВО “ИПТП”
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2002**

УДК 1+398.21
ББК 87
Т 02

E-mail: iptp@mail.wplus.net
<http://www.iptp.sp.ru>

Ташаев Ш.С.
Т02 Сказки бабушки Пенышь – СПб: Изд-
во “ИПТП”, 2002. – 111 с.
ISBN 5-902247-02-0

УДК 1+398.21
ББК 87

ISBN 5-902247-02-0

© Ташаев Ш., 2002
© Издательство “ИПТП”, 2002

Приступая к изложению мыслей, чувств и эмоций своих в притчах-сказках о былом, зная, что былое и будущее всегда встречаются и живут в настоящем, каждый раз заново определяя судьбу прошлого, настоящего и будущего, припадаю к чистому источнику Знания Твоего и прошу водительства и помощи Твоей, ибо не хочу сбиться с Пути, сознательно выбранного мною. Дай силы и терпения, дабы не ожидал я награды на Пути Осознания и со-Творения себя самого по замыслу Творца-Созидателя.

Слава Тебе и творению Твоему! Смирренно прошу разрешения поведать всем то, что открылось мне на Пути искреннего служения Знанию. Поведать так, как сам услышал, увидел и впитал сердцем своим. Слышащий да услышит, видящий да увидит, мудрый да одобрит сердце свое. Сказано, что созданы мы по образу и подобию Твоему, и Гермес Трисгеминес (трижды величайший) подтверждает это свидетельством своим: «Внизу и вверху один Закон для творения Твоего».

В муках рождает человек чадо свое. Беспомощно оно в самом начале и слабо приспособлено к этому миру. Таким и остается, иногда, до глубокой старости и смерти, из рождения в рождение, влача с собою горб – иллюзию избранности своей – пока не осознает, что избранность это всего лишь право, хотя и величайшее, на осознание себя через светлый труд со-Творения. О тех, кто по трусости или по лени своей не может выйти за пределы нужд тела своего, сказано: «Из праха вышел и в прах обратился». Именно по этому мудрыми сказано, что трусость есть один из самых тягчайших грехов на Земле.

Бессмертная Душа – это данность, изначально принадлежащая человеку. Однако, обретение ее неразрывно связано с самоосознанием, то есть с осознанием того, что именно это высшее Я и есть Человек. Однажды, когда Гурджиев, рассказывал своим ученикам о самоосознании, его спросили, почему Бог не дал человеку это самоосознание сразу, если оно так необходимо ему, неужели у Бога не хватило опыта или любви к человеку. На что Гурджиев, не задумываясь, ответил, что нет ничего проще, чем дать самоосознание даже животному, а не то что человеку, и они уже пробовали это и дали самоосознание одному барану. И что с ним сейчас? – заинтересовались слушатели. А ничего особенного – ответил Гурджиев – мы его съели.

Как Знание, накопленное человечеством, не имеет какой-либо ценности для определенного человека, пока Человек не со-Творит это Знание заново для себя мощным напряжением сердца и ума своего, так и Душа, изначально принадлежащая Человеку, не становится достоянием отдельного человека без напряжения всех

сил и здоровья его. В этом, как в чистом, светлом зеркале видна величайшая любовь Твоя к Человеку. Это и есть высочайшая справедливость к чадам Твоим.

Сорок лет водил Моисей по пустыне племя иудейское, дабы стали они способными добывать Свободу и Счастье свое через осознание себя не рабами, а чадами божьими. Ибо воистину блажен тот, кто постиг – Творение есть суть способ существования, как вверху, так и внизу!

Да восславятся Творящие Закон, ибо мудрость Закона это и есть величие Творца. Да восславятся познающие Закон, ибо познание это и есть свобода от Закона. Да восславятся живущие по Закону, ибо именно с этого и начинается рождение Человека Разумного.

*Желанный
берег*

Безбрежная, безбрежная гладь моря. Говорят, что когда-то в нем зародилась жизнь. Зародилась, но как?! Говорят, что вначале появились бездушные, мертвые сгустки жизни. Они стали поедать друг друга, то есть жить, процветать, прогрессировать. Другие говорят, что сгустки с самого начала были живыми. Они росли и развивались за счет ласковых лучей солнца и теплых прибрежных вод мирового океана. Но мудрые, ничего не утверждая, знают, что вначале было СЛОВО. Слово, – какое? Этого никто не знает. Знают только, что слово оплодотворило Море, и с тех пор Море стали

называть Великой Матерью Жизни.

Так начинала бабушка Пенышь мою самую любимую сказку. Однажды услышав, я запомнил ее на всю жизнь. «Желанный берег» стал для меня символом веры в человека. Человека, который стал ЧЕЛОВЕКОМ. Этой сказкой я и начну свое повествование о бабушке. Она давно ушла в край сказок, куда не раз водила меня, ласково закрывая мои глаза своей волшебной ладонью. Прошли годы, время давно притупило боль, но пощадило грустную радость воспоминания моих любимых сказок...

Волны и ветер. Солнце и горечь морской воды. На поверхности моря умирал Человек, как вдруг, откуда-то с неба появился яркий голубой комочек. «Мерещится», подумал человек и, закрыв глаза, погрузился в небытие. Когда он снова открыл глаза, рядом с ним прямо на воде сидела Девушка. «Плохи мои дела, опять брежу». – «Постой, не уходи, посмотри как прекрасно вокруг». «П-и-и-ть» – застонал Человек. Он ничего уже не видел, ему только хотелось пить. Девушка удивилась, но поняла и, зачерпнув ладошкой воды, напоила его.

«Что ЭТО? Почему ты лежишь на ЭТОМ? Оно такое твердое. Я трогала ЭТО, когда ты лежал, закрыв глаза. На моей звездочке никогда

не было такого твердого ЭТО». Но как ей было объяснить, что это самое ЭТО было единственным обломком затонувшего корабля, единственным кусочком, который все еще связывал его с Берегом, с жизнью, ведь она очень удобно сидела на воде, подстелив под себя лишь голубоватый плащик. «Я не могу спать на воде» – наконец, нашелся Человек. Однако они так и не поняли друг друга. Ночью, показывая на далекую красивую, голубоватую звездочку, Девушка пробовала рассказать ему о своей родине. Человеку было смешно и грустно. Он думал, что все еще бредит, но бред был таким приятным и светлым, что ему не хотелось приходить в себя.

Шло время, человек понемногу окреп, стал подниматься на ноги и, стоя во весь рост на своем обломке, с тоскою смотрел по сторонам. Девушка сколько не старалась никак не могла понять Человека. Не могла понять, почему он такой сильный, красивый, добрый никуда не сходит со своего твердого ЭТО, почему «заморозил» (другого слова она не могла подобрать) и не использует своей силы. Не могла понять, о чем он постоянно тоскует, но она всей безмерностью своей души сочувствовала ему и старалась, как могла утешить и развеселить

его. Девушка прыгала, резвясь по белым гребешкам волн или, расправив и наполнив свой плащик ветром, неслась по воде как голубая мечта. Тоска человека временно отступала. Ему было хорошо с ней. Девушке тоже было очень хорошо с Человеком, и она терпеливо ждала, когда он «разморозит» свои силы и станет ее принцем. Когда начинался шторм или шумела гроза, Девушка тесно прижималась к нему, и тепло человеческого сердца согревало и успокаивало ее. В такие моменты Человек был на вершине блаженства и отказывался верить, что все это лишь бред его возбужденного ума.

Девушка была очень изобретательна на игры и как-то раз, надув свой плащик ветром, она подала Человеку руку, и они заскользили по волнам вдвоем. Искра надежды моментально разбудила в Человеке всю его силу и красоту. Она никогда еще не видела его таким, но первый раз она, кажется, чуточку поняла Человека. Поняла, что может «разморозить» его, может приносить ему радость, а для этого надо было так мало: всего-навсего надуть свой плащик ветром и мчать Человека по волнам. Он больше не смотрел по сторонам. Он смотрел только вперед, а Девушка всегда находилась

чутьочку впереди, и ей казалось, что он смотрит только на нее. Могучее вдохновение Человека передалось Девушке, и она легко и грациозно скользила по воде по направлению к своей звездочке, абсолютно не чувствуя усталости. У Человека впервые за долгое время вынужденного одиночества появилась надежда выйти к людям.

Они неслись долго-долго и были почти счастливы, как, вдруг, далеко-далеко на горизонте показалась зловещая темная полоска. Девушка испугалась и хотела повернуть назад, но Человек так посмотрел на нее, что она, абсолютно не понимая, зачем ему эта черная полоска, готова была нестись с ним вдвоем даже по воздуху.

Земля! Желанный берег! Человек иступленно целовал землю, прижимаясь к ней грудью, щеками, губами – всем телом, а Девушка по-прежнему стояла на воде и с удивлением, смешанным со страхом глядела на Человека. Берег был каменист и угрюм, ни живой души, ни травинки, но Человеку очень хотелось к людям. «Сказка ты моя! Чудо ты мое! Мы должны выйти к людям».

Ей было очень больно ступать по острым камням, но она шла. Горячее солнце пустыни

не смягчалось здесь влагою моря, но она шла. Они шли долго-долго, а пустыни все не было конца. Человеку очень хотелось к людям. Когда Девушка выбилась из сил и не могла ступить больше ни одного шага, Человек подхватил ее на руки и понес вперед. Он во чтобы-то ни стало, хотел выйти к людям, а пустыни все не было конца. Он нес ее долго-долго, пока не понял, что еще немного без надежды на возвращение к морю и Девушка умрет. Она попросила остановиться и оглянулась назад. Далеко-далеко, почти сливаясь с линией горизонта, еле-еле виднелась еще темно-синяя полоска казавшегося ей когда-то безбрежного, безбрежного моря. Оторвав взгляд от моря, Девушка посмотрела в ту сторону, куда стремился Человек, пробуя хоть как-то снова обрести понимание, но пустыни не было конца. Она заглянула Человеку в глаза - ему очень хотелось к людям. Наконец она поняла, почему ей никак не удавалось «разморозить» Человека на его обломке. Мгновенное, как вспышка молнии озарение коснулось и Человека. Он нежно прижал Девушку к себе, снова взяв ее на руки, и понес назад к морю. Он знал, что уже никогда не выйдет к людям...

Когда Девушка ступила на воду, то каза-

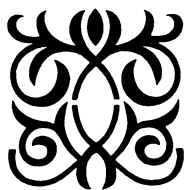
лось, подует легкий ветерок и Человек упадет, чтоб больше не встать. Он не мог шевельнуть даже мизинцем и ждал только, чтобы она ушла по воде. Девушка сделала несколько шагов и провалилась. После пустыни вода больше не держала ее на своей поверхности, но она шла, шла и шла по направлению к своей звездочке, все больше погружаясь в морскую пучину. Когда волна скрыла ее с головой, с неба стремглав покатилась та самая, далекая, красивая, голубоватая звездочка.

Синее, синее море накатывало своими валами на этот желанный, желанный берег. На этом пустынном, бездушном и твердом как «ЭТО» берегу умирал чело... «Бабушка! Так не бывает! Он принес ее назад к морю ...». «Так могло быть, но ты прав, сынок, и я очень рада, что ты чувствуешь это, пустыня будет не властна над тобою» – успокаивала она не то меня, не то себя и снова возвращалась к тому месту, когда Человек поставил Девушку на воду и ждал только, чтобы она ушла по воде.

Не покоривший пустыню не может ходить по воде, и девушка шла по направлению к своей звездочке все больше погружаясь в морскую пучину. Когда очередная волна скрыла ее с головой, человек, Ч Е Л О В Е К, собрав остат-

ки своих не существующих, но ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ сил, ринулся в море и высоко-высоко поднял Девушку на своих слабых человеческих руках.

И, вдруг, случилось ЧУДО! Красивая, далекая, голубоватая звездочка протянула свои волшебные лучи-руки, коснулась Девушки – она ожила, коснулось моря – оно отступило, коснулось берега – он расцвел. Они жили, живут и будут жить вечно! «А как это, бабушка?» – «Достигли желанного берега, сынок».

Бу нэ бу

Долгий зимний вечер. Большая деревянная тахта. На тахте мы – я, две мои старшие сестренки и бабушка Пенышь. На плите кипит котелок с водой, а в печке весело потрескивают дрова, и красные отблески огня играют в пятнашки с темнотой ночи. Несмотря на это, в комнате, отнюдь, не жарко и мы тесно прижимаемся к бабушке. Очень хочется есть, а мама еще на работе. Она постоянно работает допоздна. Что такое работать допоздна и как прокормить семью из шести человек, когда единственному мужчине в семье не более четырех лет, это я пойму много позже. А пока, котелок с

колодезной водой продолжает кипеть (мама ничего не принесла), и мы под теплым одеялом на тахте засыпаем под стихи Пушкина, Лермонтова, Хитагурова, Байрона, Жуковского, рассказы и повести Тургенева, Чехова, Короленко в ожидании, когда в пустом котелке «сварится» ужин. Мама тоже засыпает, отложив в сторону книгу с тяжелым, теплым деревянным переплетом, который я потихоньку от всех люблю гладить рукой. В последнее время некоторые книги вдруг стали исчезать. Самое интересное, что когда исчезала очередная книга, мама и бабушка становились несколько грустными, но в доме появлялась какая-либо еда. Сегодня мамы нет особенно долго и чтобы скоротать время и не очень мучил голод, бабушка Пенышь рассказывает нам сказку.

«Бу нэ бу звельнэ махаль э Догусту...» и я засыпая, но крепко держась за бабушкину руку, попадаю в сказку. «Хочешь к Хаскилю?» – спрашивает бабушка. «А кто он такой?» – хитрю я. «Ленивый, ленивый Хаскиль». «А почему?» – «Не может найти Интересное». «И в сказке?» – «И в сказке».

«Он плохо видит, да?» – «Да, мой маленький». «А очков у него нет?» – «Нет хороший мой». «Не хочу к Хаскилю», – почти просыпаюсь

я, но бабушка ласково гладит меня по спинке, глаза мои снова закрываются, и я попадаю высоко-высоко в горы. Небо синее-синее, яркое солнце слепит глаза. Натягиваю на себя одеяло, но бабушка ласково стягивает его. Пора сынок, проснись, с добрым утром поздоровайся, оно к тебе в сотоварищи солнышко прислало. Бабушка так сильно любит меня, что я даже сердиться на нее не могу. Эта любовь до сих пор, когда мне далеко за сорок, а сама бабушка давно находится в краю нерассказанных сказок, согревает и защищает меня, помогает жить, верить, любить. «Бу нэ бу...» – вспоминаю я и слышу, как бабушка продолжает – «...эвель нэ махаль э Догусту...» и я блаженно впитываю сказку...

Было ли, не было ли, но в давние времена, рассказывают в Дагестане жил купец. Он был очень богат. Повидал много стран и разных диких. Смыслом его жизни было открытие новых дорог. Коротая время в пути, он дарил дорогам песни на любом языке народов Дагестана и всех стран и земель, где побывал. Впереди его каравана всегда неслись задушевные песни. Взамен дороги дарили ему удачу и охраняли от лихих людей.

На любом новом месте люди с удоволь-

ствием собирались вокруг его шатра и, не торгуясь, покупали изделия Дагестанских мастеров, каждое из которых напоминало песню. «А как это, бабушка?» – «Опять перебиваешь, опять не хватает терпения, когда ты станешь настоящим мужчиной...» – сокрушалась бабушка, но все-таки терпеливо объясняла: «Вещь сделанная с любовью всегда радует человека как хорошая песня».

Возвращаясь в очередной раз в родной аул, купец услышал совершенно новую для себя очаровательную песенку. «Наранай, наранай, наранай», – пела красивая смуглая девушка с кувшином воды на плече. Вода в ее кувшине оказалась не только прохладной и вкусной, но и волшебной. Купец женился на девушке, и целый год они наслаждались своим счастьем.

Однако купец есть купец и через год дорога снова позвала его в дальние страны. Долго ли, коротко ли пробыв в пути, он выгодно продал свой товар и купив дорогих украшений, чтобы порадовать свою молодую жену, поспешил в родной аул. Дома встретила его Черная Весть. Вместо любимой жены встречали его уродного порога горестные соседи. Плачем и стенаниями выражали они ему свое искрен-

нее сочувствие. «Бабушка, бабушка, сказки не должны быть грустными. Не хочу такую. Лучше тогда про Хаскиля», – теребил я широкий подол бабушкиной юбки, готовый в следующее мгновение горько разреветься. «Не плачь, сынок, сказка – это самая настоящая жизнь, а в жизни всякое случается, только дети, вырастая, забывают об этом». – «Я не забуду, бабушка. Я уже мужчина» – с гордостью сказал Я, вспомнив, что уже исполнился целый месяц, как я самостоятельно стал ездить верхом на лошади, а было мне тогда всего-навсего четыре года и три месяца. При этом глаза мои перестали находиться на мокром месте, и я чуть было совсем не забыл о сказке.

«Молодец, сынок, но хвастать также неприлично для настоящего мужчины, как и быть нетерпеливым, слушай дальше. Как и у тебя, слезы, вскоре у купца просохли». Соседи вынесли ему из дома, завернутый в пеленки визжащий, крохотный, живой комочек. СЫН!!! Купец взял его на руки, и готовое от непосильного горя остановиться сердце снова стало возвращаться к жизни.

Поклявшись памятью покойной жены, не покидать больше родной аул, купец всю свою нерастраченную любовь и силу души стал щед-

ро тратить на воспитание сына. В пять лет, он посадил сына на коня, а еще через пять во всем Дагестане не было более удаłego наездника. К двенадцати годам купец обучил своего сына всему, что должен уметь настоящий мужчина. Он мог только одним топором построить дом или смастерить любую домашнюю утварь. Мог выковать меч и подковать лошадь, вспахать землю и обработать скот, знал почти все ремесла, которыми славятся мастера Дагестана. Только купеческому делу не стал обучать своего сына. Вместо этого он решил выучить своего сына искусству врачевания, астрономии, математике и другим наукам.

Когда наступило время отправлять сына в учение, купец написал письмо другу, жившему в Иране, посадил сына на коня, дал ему достаточно денег и благословил в путь.

Много ли, мало ли времени провел в учении сын, но Судьба снова привела его в родной аул. Вошел он в свой родной дом, а купец уже еле дышал. «Хорошо, что я дождался тебя, сынок. Не дал Аллах помереть, не благословив тебя. В наследство, кроме этой шкатулки и родного дома, где ты родился и вырос, я тебе ничего не могу оставить. Не печалься, сын, ты молод, учен и здоров. Трудись на радость себе

и людям и жизнь вознаградит тебя. Заботься о доме и береги шкатулку. Не открывай ее, пока не придет в ней нужда или не вспомнишь обо мне. В жизни все может случиться и хорошее и плохое. От хорошего, главное не потерять голову, а перед плохим не робеть. Если тебе, вдруг, будет так хорошо, что большего нечего и желать, ты вспомни обо мне и открой левый ящичек шкатулки, а если обложат тебя со всех сторон тучи, что и жизнь не мила станет – открой правый. Сказав так, купец глубоко вздохнул, последний раз всмотрелся в лицо сына и отправился в самое длинное путешествие, которое он когда-либо совершал.

«Ты опять печалишься, сынок, не надо, утри слезки. Купец оставил сыну не только дом и шкатулку, он оставил ему самый драгоценный дар, какой только может оставить человек на земле после своего ухода в далекие сказочные края – дар своего сердца, свою любовь. Любовь – это самый высший и самый справедливый закон Аллаха, сынок». Бабушка грустно и очень долго всматривалась в мое лицо. Потом, как бы очнувшись от каких-то навязчивых мыслей, продолжала. Сын купца погоревал, погоревал и стал искать себе какую-либо работу. Жизнь всегда заставляет чем-то заняться.

Поставить себе задачу, значит избавиться от тоски и любых недугов.

Первое время, чтобы не чувствовать себя совсем одиноким, сын купца работал днем и ночью. Он был молод, полон сил и энергии и работа приносила ему облегчение. Кроме удовлетворения такая работа приносит здоровье и богатство. Скоро и сын купца стал богатым. Еще через некоторое время очень богатым, а еще через некоторое – богаче самого падчаха. Однако, живя в богатстве, он никогда не бездельничал, что помогало ему оставаться добросердечным, отзывчивым и приветливым человеком. Он никогда не жадничал и старался помочь всем, кто бы к нему не обращался. Бедные люди любили и уважали сына купца, хотя денег в долг у него почти не брали. «Когда вырастишь, сынок, как бы тебе трудно не приходилось, старайся никогда не делать долгов. Любой человек всегда может обойтись тем, что у него есть, тем, что он заработал сам. Небогатый человек знает, как легко влезть в долги и, как трудно из них выпутываться... Ты подумал, сынок, что сын купца стал ростовщиком? – Нет, мой маленький, он давал деньги в долг без всяких процентов». Другое ему и в голову не могло прийти. Он даже никогда сам первый не требо-

вал возврата долга. Поводились поэтому брать у него в долг вначале ленивые, никчемные, беспутные людишки. Взяв в долг, они тут же спускали деньги на ветер и снова брали. Затем стали брать богатые люди и, наконец, попросил займы сам падчах. Все кто брал у него деньги, не думая возвращать их, стали очень сильно ненавидеть его. За глаза они насмехались над ним, называя простаком и дураком, которому неслыханно везет. Они вовсе не стеснялись обманывать его и даже делали это с большим наслаждением. В глаза же они всегда хвалили ум, бескорыстие, доброту сына купца, клялись ему в любви и вечной дружбе.

Как-то раз падчах предложил сыну купца устроить пир на весь мир для своих «верных» друзей. Пир удался на славу. Сам падчах называл его ясным солнышком, а себя его тенью. Сначала сын купца чувствовал себя от такой лести очень неловко, но некоторое время спустя горячительные напитки и фимиам похвал сделали свое дело. Пире стали устраиваться все чаще и чаще, ведь они устраивались на деньги сына купца, а не кого-либо из его «верных друзей» или самого падчаха.

Во время одного из очередных застолий лесть в адрес сына купца лилась столь щедро,

что окончательно вскружила ему голову. «Как бы радовался мой отец, доживи он до этого момента» – взгрустнулось, сыну купца, и он тот час же вспомнил о подарке отца. Когда принесли шкатулку и отворили левый ящичек, там оказалось письмо. «Прочитай, прочитай» – залюбопытствовали пьяные гости.

«Сын мой, ты вспомнил о левом ящичке, значит, ты сказочно богат, у тебя много друзей и даже сам падчах сидит на твоём пиру. Если ты сначала взгрустнул обо мне и лишь, потом вспомнил о левом ящичке, не напрасно пишу тебе эти строки. С тревогой в сердце хочу предостеречь тебя. Пусть ты сказочно богат и сам падчах с застольными друзьями клянутся тебе в вечной любви и дружбе, богатство самое непрочное из всех земных ценностей. ВСЕ ПРОХОДИТ И ЭТО ПРОЙДЕТ».

Пир был испорчен, но любовь и почтение к отцу не позволили сыну купца сжечь или разбить шкатулку, как того требовали «верные друзья» и сам падчах. Сильная, настоящая и бескорыстная любовь, а настоящая любовь всегда бескорыстна, часто спасает от непоправимых поступков. Запомни это, сынок.

Шло время, «друзей» и пиров становилось больше, а времени и желания работать как

прежде, все меньше. Наконец сын купца совсем перестал заниматься делами. Богатство стало таять. Падчах перестал называть его ясным солнышком, а затем и вовсе перестал замечать. Также повели себя и остальные застольные друзья. Плохо пришлось сыну купца. Научившись, лихо застольничать, он совсем разучился работать. Через некоторое время от всего несметного богатства остался один только отцовский дом и небольшое хозяйство. Работая, можно было еще жить вполне безбедно, но сыну купца после всего, что он некогда имел, такое существование казалось хуже смерти. «Хорошо, что отец не дожил до этих дней» – подумал он и, вдруг, с надеждой вспомнил о правом нетронутом ящичке шкатулки. Затем он вспомнил содержание письма в левом ящичке, и снова отчаяние овладело им. Некоторое время то отчаяние, то светлая надежда попеременно овладевали его сердцем. Сын купца долго терзался сомнениями, но надо было на что-то решаться, и он, наглухо заколотив двери и окна родного дома, оставил родной аул, забрав с собой лишь подарок отца. Он шел несколько дней, все выше и выше поднимаясь в горы. Добравшись, безоблачным ранним утром до самой глубокой пропасти на всем Северном

Кавказе, сын купца остановился, не торопясь, помолился, затем открыл правый ящичек шка-тулки и достал письмо отца.

«Все проходит, и это пройдет, говорил я тебе прошлый раз, и сейчас, полностью разо-рившийся, потерявший «дружбу» никчемного падчаха и застольных друзей, ты стоишь на краю самой глубокой пропасти высоко-высоко в горах. Коль взобрался сюда, не теряй време-ни и задери голову вверх, внимательно всмо-трись в небо над своей головой». Сын купца посмотрел вверх и увидел еле заметные звез-ды. Высоко в горах они видны в любое время суток. «Часто ли ты видишь их? Можешь ли вспомнить, каким было небо вчера? А может быть, мелочные заботы ссутулили твою спину и согнули голову? Мимолетные неудачи, мел-кие неприятности и нет никаких звезд, никакой луны, никакого солнца – нет НЕБА?!! Сын мой, никогда не поздно поднять голову и открыть глаза. Пусть душа наполнится небом, а небо станет душой».

Завороженный волшебным небом, осво-бождаясь от всего мелочного, никчемного, су-етливого – всего того, что мешает видеть са-мое главное в жизни – ЖИЗНЬ. Долго стоял сын купца над краем самой глубокой пропасти.

«Спасибо отец» – наконец прошептал он. «Будь счастлив, сын мой», – ответило Эхо, и горы мгновенно соорудили из любви отца и сына самый надежный мост через глубокую пропасть отчаяния.

*Легенда
о ничьей
Земле*

О своей бабушке Пенышь я вам часто рассказывал и еще не раз буду. Всегда остается чувство чего-то упущенного, недорассказанного. Она высокая, стройная, мудрая, очень красивая, и я всегда становлюсь самым собою, когда она рядом. Бабушка Пенышь знатного происхождения. Во всем ее облике чувствуется порода. Гордая и одновременно изящная посадка головы, обрамленной венцом тугих черных кос, контрастирующих с кожей лица молочной белизны. Высокая, красивая шея между прямых и изящных плеч. Завораживающие, гибкие, добрые и в тоже время на удивление

сильные руки. Красивый бюст, узкая талия и высокие стройные ноги, как будто бабушке не около 60, а всего-навсего 25-30 лет. Для меня, шестилетнего мальчугана, самым прекрасным у бабушки являются ее волшебные ладони всегда теплые и ласковые. Когда бабушкина ладонь на моем плече, исчезают все неприятности и обиды, и я сразу попадаю в сказку. Так и сейчас, бабушка только что разняла нас с Алешкой, соседским мальчиком, который старше меня на 3 года. Я постепенно отхожу от возмущения и обиды. Ссора возникла из-за игры в «ножички»...

Стояло теплое весеннее утро, какое может быть только на Северном Кавказе. Однако ни я, ни Алеша просто не замечали ни красоты, ни доброты этого утра. Со вчерашнего дня мы думали только о том, кто из нас лучше метает перочинный ножичек.

Не глядя на меня (я тоже старался не глядеть на него), Алеша начертил на земле круг и разделил его пополам. Долго молча оценивал его и затем занял одну из половинок круга. Когда дольше молчать стало невозможно, он, буркнув «Моя очередь», метнул перочинный ножичек. Ножичек, сверкнув начищенным лезвием, глубоко вонзился в землю. Однако,

дотянуться до него было не легко. Круг для игры был слишком большим, и, учитывая щедеушность Алешкиной фигуры, ножичек для него был недосыгаем. Оставалось или схитрить и незаметно заступить ногой, или ждать следующей более удачной попытки. Однако ножичек так надежно сидел в «моей земле», что соблазн был очень велик и Алеша выбрал третий вариант: он решил нахально изменить правила игры. «Можно заступать на чужую территорию на полшага» – сказал он воинственно и с вызовом посмотрел на меня.

«Шамиль-мамилъ, мамлюк-курдюк» – начал Алеша, вводя себя в раж. Я, набычившись, собирался достойно ответить, как вдруг появилась бабушка, и драка не состоялась. Вместо драки мы с Алешкой попали в новую сказку...

Давным-давно, в те далекие времена, когда хазары еще владели половиной мира, на берегу Терека расположился один из могущественных хазарских кланов. Глава клана, хан Таша, обладал недюжинной силой, был справедливым и мудрым, но правил очень не долго. Однажды во время молодецкой охоты произошел несчастный случай и Таша-хан скончался, даже не успев сказать свою последнюю волю. Власть над кланом захватил Дахархан. После

этих событий внутри клана возникли раздоры. Клан постепенно ослаб, рассеялся и, наконец, случилось так, что на берегах Терека осталась только одна семья.

Глава этой семьи, Амель, мечтал о возврате своего народа на берега Терека и с помощью двух своих сыновей все еще защищал эти земли от заселения чужими племенами.

Время как всегда неумолимо вершило свой ход. Амель постарел и умер. Последние слова его были обращены к сыновьям: «Живите на земле, возделывайте, но не делите ее между собой». Поначалу братья так и поступали. Они дружно работали и отважно защищали землю от разорительных набегов, и тени великих предков помогали им отстаивать родную землю.

Однажды в гости к братьям забрел один из дальних родственников покойного Амеля, Рустэм. Рустэм – одно из древнейших и славных имен, только и имя не может помочь человеку, когда он теряет самое главное качество. «А как это» – мгновенно вылетело у нас с Алейшей. «Это очень трудно передать, сынок, ты еще очень маленький». «Пожалуйста», – дружно перебили мы бабушку. «Ладно, попробую, может что и получится». Она не надолго заду-

малась и затем обратилась ко мне: «Сынок, ты знаешь кто ты?» «Я, Шамиль, кук Вануш эз Ташао» – не задумываясь, отчеканил я. «Да, да, сынок, в этом никакого сомнения нет. Ты истинный Таша и также силен и смел, как твой далекий предок (в четыре года я уже достаточно хорошо сидел на лошади, а в восемь лет мог упражняться пудовыми гирями и практически самостоятельно разделать барана), но это не то, что я хочу услышать от тебя. Я хочу услышать от тебя знаешь ли ты на самом деле, кто ТЫ?» Я ничего не мог понять, но какое-то сильное волнение вдруг овладело мною. Под ее пристальным и требовательным взглядом я чуть было опять не впал в состояние трудно объяснимое словами. Три года назад, долго пытая бабушку и маму вопросами о моем отце, я все же не смог осознать существование смерти в виде чего-то необратимого. Поэтому, стоя возле куста черной смородины, который посадил мой папа, когда меня еще и на свете не было, стал мысленно звать его, решив, что никуда не уйду пока не увижу своего папу. Не помню, сколько прошло времени, когда небо вдруг разверзлось, и какой-то необъяснимый восторг растворил мою оболочку. Я в полуобморочном состоянии впитывал увиденное.... После этого

события отсутствие отца более не ощущалось мною так остро.

«Ну, вот видишь как это не просто» – вывели меня из трансового состояния слова бабушки. Умение отважно, с любовью в сердце и благожелательностью к окружающему познавать себя и есть то самое главное. Только познание себя может из человека-машины сотворить Чудо, т.е. Человека. Машины могут писать стихи, обрабатывать землю, размножаться и делать все, все, все, что делает любой человек-машина. Но машина никогда не сможет познать самое себя. Машина, познавшая самое себя, уже не машина, а нечто иное, потому что с этого момента она *БЕССМЕРТНА*. «А как это, бабушка?» Этих «а как?» у меня возникало в то время столько, что 100 самых выдающихся ученых, как со смехом замечала мама, не ответили бы на все «а как?!», но бабушка была очень доброжелательна и терпелива ко мне. Она всегда старалась найти простые и понятные слова, чтобы объяснить самые сложные вещи, и очень многие «а как?» часто рождали новые сказки, но сейчас мы были так поглощены рассказом о наших предках, что я сам попросил бабушку рассказывать дальше.

«Так вот – продолжала бабушка – Рустэм,

увидев, как привольно и дружно живут братья, даже почернел от зависти, стал меньше ростом и весь скукожился. Зависть всегда отнимает, а не прибавляет силы и здоровья. Завистливый ум опасен и для окружающих. Не дружите с завистливыми и сами никогда не завидуйте. Если бы ты знал, сынок, сколько труда и здоровья человек тратит на обладание любым положительным качеством характера или материальными благами, которые вызывают зависть у тебя несведущего, и каким опасностям подвергнешься ты, приобретающий без вложенного труда, то никогда и ничему не завидовал бы. Наоборот, любое хорошее качество у других должно вызывать у тебя, Шамиль, и у тебя, Алеша, восхищение и радость». Однако Рустэм всего этого не знал и думал только о том, как завладеть хотя бы частью земель потомков Амеля, чтобы вести такую же, как братья привольную и беззаботную жизнь. При своем характере он не мог видеть, что жизнь братьев вовсе не такая беззаботная, как кажется.

Лучше всего Рустэму было бы просто обратиться к братьям с просьбой о разрешении остаться жить и работать на этой земле и защищать ее вместе с ними. Однако такие простые и верные решения под силу только людям

отважным и благородным, не обремененным ленью, завистью и жадной наживы во чтобы-то ни стало. Именно последнее, к большому сожалению и относилось к Рустэму. Он днями и ночами стал думать о захвате себе лучшей части земли, но, сколько бы не думал, так ничего придумать не мог и не придумал бы, если бы не случай...

Как-то раз, ранней весной, когда Рустэм вместе с братьями ловил с берега рыбу, глыба земли под ним рухнула в Терек, он сильно повредил себе ногу и не мог больше заниматься хозяйством вместе с братьями. Поначалу Рустэм искренне огорчился, а затем испугался своего вынужденного безделья. А что если братья попросят его убираться туда от куда он пришел, раз он такой беспомощный, боялся Рустэм. К прежней жизни, лишенной какого-либо смысла, и, заключавшейся лишь в бессмысленной постоянной погоне за набиванием брюха ему уже было не вернуться.

Тем ни менее, для остальных домочадцев (помимо матери в доме находились еще Гюльшор – жена младшего брата и Зухра – жена старшего брата) вынужденное безделье Рустэма было вполне приятной неожиданностью. Можно было, наконец, хоть кому-то

объяснить разницу между узорами на платьях и просто покрасоваться в них перед гостем, и мало ли как еще можно было разнообразить получение удовольствия, когда появился пусть вынужденный, но все-таки зритель.

Рустэм, вовремя заметив это, стал льстить, делать комплименты и всячески поощрять различные капризы молодых женщин. Спустя некоторое время он так вошел к ним в доверие, что уже не стеснялся настраивать женщин против свекрови и своих мужей. Гюльшор он говорил, что свекровь должна жить вместе со старшим сыном, а Зухре потом нашептывал все совсем наоборот, свекрови внушал, что ее невестки очень легкомысленны и не достойны ее сыновей. В общем, как говорится в древней хазарской поговорке, когда в огонь попадает сырая головешка, тепла не жди, а головная боль придет без приглашения. Да что там долго рассказывать, когда в семье забывают о старших и смысле совместного существования, то оно, это совместное существование и становится в первую очередь абсолютно невозможным.

Единственное на чем настаивала и ни на йоту не отступала от своего свекровь – это, чтобы землю разделили обязательно полюбовно,

чтобы каждый из братьев остался доволен справедливым разделом земли. Если такого нельзя будет добиться, то братья должны были выслушать мнение первого встречного и поступить по его совету.

Когда земля была учтена и обмерена, когда Рустэму выделили третью часть этой земли, братья никак не могли поделить один очень красивый остров, стоявший ровно посередине течения Терека. Коварный Рустэм предложил устроить поединок, говоря, что остров достанется сильнейшему. В тайне он надеялся, что в поединке братья покалечат друг друга и тогда он, Рустэм, станет полновластным хозяином всей древней хазарской земли. Братья, однако, на поединок не пошли и, так как дело продвигалось к ночи, решение само собой отложилось до утра. Когда они усталые и грустные вернулись домой, мать велла приятную беседу с каким-то гостем и угощала его чаем с лепешками и медом. Незнакомец заметил, что вошедшие были чем-то глубоко опечалены. Слово за слово и братья все изложили гостю. Тот на некоторое время ушел в себя, а затем стал неторопливо рассказывать...

В давние времена, когда хазар еще и на свете не было, жило на берегах Терека процве-

тающее племя мудрого Хана Эсэя. У каждого человека было достаточно земли, чтобы жить безбедно и прокормить свою семью. Только у Эсэя и его ближайшего слуги Хамбола не было ни клочка собственной земли. Однажды Хамбол взмолился Эсэю: «Ты великий Хан и твои потомки унаследуют твой титул, поэтому тебе и твоим потомкам всегда будет принадлежать вся земля твоих подданных. Тебе нечего беспокоится о собственном будущем, а мне, покорному рабу твоему и самому преданному слуге, беспокоиться сам Аллах велел. Прошу твоей милости. Пора мне обзаводиться семьей. Выдели мне господин мой хоть какую-то часть земли в собственность, и я стану служить тебе еще усерднее и преданнее. Хорошо – ответил Эсэй Хамболу – но готов ли ты к обладанию собственным наделом земли? – Назначай любое испытание – ответил Хамбол. Надо заметить, что Хамбол обладал недюжинной силой и отвагой, только ума не всегда хватало простодушному Хамболу, и он часто бывал одураченным своими соплеменниками. «Иди отдохни, а утром при всем народе ты получишь ровно столько земли сколько сможешь осилить» – заключил хан. Озадаченный Хамбол побрел к своему приятелю. Они до утра проговорили о

том, что Хамбол скоро станет самым богатым среди соплеменников.

Утром, стоя на вершине одного из самых красивых и величественных утесов высоко в горах Эсэй громовым голосом воззвал к своим соплеменникам. Хамбол просит надел земли в свою собственность и это справедливо, если он достоин ее. Заявляю перед лицом всего народа, что ты Хамбол получишь ровно столько земли, сколько заслуживаешь. Тебе следует бежать, ни на секунду не останавливаясь, весь участок земли, который ты хочешь иметь в своем пользовании. Обрадовавшись такому легкому испытанию, Хамбол с места в карьер ринулся бежать, желая до темноты бежать как можно больший участок и стать самым богатым из соплеменников. Он бежал все вперед и вперед, не думая о том, что ему надо замкнуть круг. Ему хотелось как можно больше земли, хотя он и не знал, зачем ему так много. Он бежал пол дня и уже изрядно устал, но все еще твердил себе еще немного вперед, еще немного вперед и затем я поверну.

В горах темнеет достаточно быстро и почти внезапно. Когда Хамбол вспомнил об этом, ему стало очень страшно. Он решил немедленно повернуть назад, но понял, что все сопле-

менники будут потешаться над тем, что он определил для себя узкую тропинку земли. Поэтому Хамбол пересилил себя и определил ширину своей территории в несколько чаккырым. Бежать назад становилось все тяжелее и тяжелее. Новая дорога пролегла по очень труднодоступным местам. Хамбол бежал уже из последних сил. Наконец он увидел на вершине утеса ярко освещенную заходящим солнцем фигуру своего господина и понял, что ему уже не подняться на этот утес, чтобы замкнуть круг. Он мог еще крикнуть своему господину, что все осознал, но гордость не дала звукам вырваться из его горла, и он упорно продолжал бежать вверх. Не добежав всего-навсего несколько метров до вершины, Хамбол замертво рухнул на маленькое плато размером не более двух метров. «Эти два метра и будут теперь навечно твоими», – с грустью сказал Эсэй-Хан.

Братья переглянулись между собой и, не сговариваясь, попросили незнакомца рассудить их. Встав рано утром, они не застали незнакомца дома. Видимо не захотел участвовать в этом деле, решили они. Однако, когда братья вместе с Рустэмом прибыли на остров, незнакомец был уже там. Братьям показалось, что он очень похож на Эсей-Хана. «Как ты

здесь очутился?» – Изумился Рустэм. «Не отвлекайтесь и слушайте, что вам скажет земля» – ответил Незнакомец. Это был уже не Эсей-Хан, а какой-то сказочный богатырь, очень похожий на всесильного пророка. Братья и Рустэм, абсолютно ничего не понимая, тупо уставились друг на друга. Молчание становилось невыносимым, и первым не выдержал Рустэм: «Я ничего кроме рокота воды не слышу» – сказал он. Ему никто не ответил, однако Рустэмом овладело какое-то беспокойство, он не мог уже остановить недержание речи и продолжал говорить и говорить в никуда. Он говорил, что и этот остров и вообще вся земля по праву принадлежит ему и никому другому, что он самого знатного происхождения среди хазар и вообще среди всех людей на земле... Чем больше он говорил, тем тревожнее становилось у него на душе (недержание речи – один из самых страшных недугов, поражающих человека), но остановиться было совершенно невозможно. Братья молчали. Они смутно стали что-то осознать, а незнакомец все больше и больше хмурился. «Земля не твоя. Земля не принадлежит и братьям. Человек никогда не был и пока не может стать Хозяином Земли. Многим людям из разных племен казалось, что эта земля

принадлежит им. Очень часто лилась кровь из-за призрачного обладания землей. Люди приходят на землю и уходят и только лишь те, у кого есть будущее, не ложатся в нее, а уходят в небо. Из-за таких как ты рушатся все великие царства земные. Рустэм, ты не смог остановить даже простое недержание речи, твой час настал, и пора тебе лечь в землю до лучших времен» – громовым голосом произнес незнакомец. Он перевел взгляд на братьев, и суровость его взгляда несколько смягчилась. «Время кончилось, и для вас, нам пора», – обратился он к ним. Некоторое время спустя младший брат с удивлением заметил, как Эсей-Хан ведет его вместе с братом сначала по воде, а потом просто по воздуху и облакам все дальше и дальше в небо. На острове, в это время, посреди Терека земля, как живое существо поглощала корчащегося в нестерпимых муках Рустэма, одного из самых последних потомков некогда самого могущественного клана среди Хазарского народа.

«Бабушка, а что такое недержание речи?» – опять не утерпел я. Бабушка лукаво улыбнулась и спросила: «А как по твоему?» Мне сразу почему-то вспомнились сегодняшние Алешкины дразнилки: «Шамиль-мамилъ, мамлюк-кур-

дюк». Я твердо решил никогда не дразниться.

«Вы обязательно возродитесь, надо уметь ждать. У Человека всегда есть выбор» – закончила бабушка сказку словами Незнакомца.

У меня снова возникло тысяча «а как?» и я едва сдерживался, но, взглянув в лицо бабушки, вдруг ощутил, что она сейчас очень далеко. Первый раз в жизни в возрасте восьми лет, я испытал огромную радость оттого, что сумел вытащить шило из одного места. В последующие годы «недержание речи» всегда разрушало счастье и забирало силы, а операция по удалению шила из одного места приносила, по крайней мере, удовлетворение и ничего не разрушало.

Найденныш

Не знаю, награда ли это или наказание, но я помню себя с очень раннего возраста. Иногда мне кажется, что я помню даже лицо своего отца, хотя он умер, когда мне было всего навсего 6 месяцев. Но что я помню себя годовалым ребенком – это совершенно точно, а уж о четырех годах, когда случился арест родного брата моего отца, Еготыиля, сына бабушки Пенъшь и Шамиля из рода Таша, и говорить не приходится.

Еготыиль маленького роста и средней ширины плеч был отважным и очень добрым Человеком. Это он обучил меня ездить верхом

на лошади, это он смастерил мне деревянные коньки, когда о настоящих и слыхом не слыхивали. Это на его примере я впервые в жизни убедился, что сила духа сильнее любой физической силы.

Мой дядя Еготыиль до Великой Отечественной Войны работал начальником железнодорожной станции и на фронт ушел добровольцем. Железнодорожников на фронт не отпускали, у них была так называемая бронь, и многие люди стремились ее получить. Дядя мой был и до конца своей жизни оставался Романтиком с большой буквы и искренне любящим свою Родину человеком. Поэтому он, добровольно сняв с себя «бронь», всю войну самоотверженно провел на фронте.

Помню, когда дядя Еготыиль вернулся с фронта, в один из теплых весенних дней он надел свой парадный мундир подполковника со всеми военными наградами, взял меня за руку и повел в городскую рощу, чтоб немного побаловать. День был солнечным, медали и ордена на его молочной белизны кителе сверкали, словно самые богатые украшения. Вдруг один из подвыпивших работяг, громадного роста дедина, из тех кто всю войну прятался за так называемой бронью, решил утвердиться в своих

глазах за счет бравого вояки со столькими наградами (дядя по росту доходил ему только до груди) и, нарочно споткнувшись, коснулся одной рукой грязи на земле и той же рукой ухватился за белый китель Еготыиля, с наглой усмешкой уставившись прямо ему в лицо. Здесь в течение каких-либо долей секунды произошло чудо. Я только успел заметить округлившиеся от страха глаза незадачливого шутника. Он стал настолько нелепым в своей громадности, что ничего кроме презрительного смеха не заслуживал. «Прочь с дороги, зашибу», – услышал я. Фигура Еготыиля уже не казалась такой щуплой, она мне показалась богатырской. С тех пор, чтобы не говорили послевоенные историки, я твердо знал: Войну выиграли такие люди как мой любимый дядя Еготыиль сын Шамиля и моей бабушки Пеньишь из рода Таша.

Также спокойно вел себя дядя Еготыиль, когда однажды вечером пришли его арестовывать люди в черных плащах и шляпах. При всей своей доброте, открытости и беспредельной преданности Родине Еготыиль был достаточно мудрым человеком и понимал, что если пришли с ордером на обыск и арест, то все уже было предрешено. Впоследствии мои сестренки, Светлана и Ирина, несмотря на все предупреж-

дения напуганных до смерти доброхотов соседей, не один раз писали письма т. Сталину с просьбой освободить из тюрьмы любимого дядю. Однако все по порядку...

В тот вечер случилось одно маленькое чудо, и обыск не состоялся, не было никаких испорченных подушек и перин, разбитой мебели и выпотрошенных книг. Все осталось на своих местах, и дядю просто поспешно увели, боясь, как бы моя бабушка Пенышь не сотворила еще что-нибудь непредсказуемое. А она ничего не сотворяла, ее просто не могли напугать ни НКВД, ни ГПУ, ни прочие абвиатуры, которые наводили жуткий ужас в те времена на добрую половину населения нашей страны. Бабушка по-русски говорила с некоторым акцентом, хотя знала много других Северо-Кавказских языков. И вот с присущим ей акцентом она совершенно спокойно спросила одного из тех, кто собирался произвести обыск: «Ти что ищешь, золото? Фискада початка бывает, какой золото?!» При этом ее ятаг (трость, которая по моде полагалась всем людям пожилого возраста) стал медленно и угрожающе подниматься вверх для удара. Что такое на Северном Кавказе, когда пожилая женщина ударит мужчину и неважно, какую из абвиатур он представляет, это надо

знать. Мужчина будет вызывать у всех самое искреннее презрение, и он до конца своей жизни будет относиться к «касте неприкасаемых» или его просто из брезгливости убьют.

Всем стало ясно, что бабушка способна сейчас на любой самый невероятный поступок. Черный плащ в растерянности посмотрел на своего начальника и отступил на два шага от подушки, которую собирался вспороть просто так ради удовольствия. Он, конечно, знал, что там ничего нет и быть не может. Он просто привык, не задумываясь выполнять свои обязанности, и получал от этого большое удовольствие. Обстановку разрядил мой дядя. «Не волнуйся мама. Это недоразумение, и я скоро вернусь. Пойдемте, время позднее и детям спать пора» – обратился он к плащу-начальнику. Тот с облегчением вздохнул и, чуть ли не с благодарностью взглянув на Еготыиля, кивнул остальным плащам, которые уже вытаскивали свое оружие против бабушкиной трости, и вся компания быстро ретировалась. В эту ночь никто в нашем доме спать так и не лег. Ночь длилась очень долго, и я впитывал в себя очередную сказку...

Это случилось в те относительно недавние времена, когда хазары не были уже коче-

вым племенем могучих воинов язычников, а, потеряв практически свою самостоятельность и приняв единобожие (большая часть хазаров стала иудеями, часть мусульманами и очень незначительная – христианами) стали оседлыми земледельцами и скотоводами. Сейчас часть хазар живет на Северном Кавказе, часть на Черном море, часть в Азербайджане, часть в Иране, часть в Литве, часть в Израиле и говорят, что хазарские поселения имеется даже в Афганистане и Индии.

Так вот, в одном из хазарских селений случилось, что пастух общественного стада коров на берегу реки услышал требовательный плач грудного ребенка. Подойдя к берегу, он увидел деревянную колыбельку, качавшуюся на волнах. Ребенок так требовательно орал, что на такую роскошь, как удивление, у пастуха уже времени не оставалось. «Однако, начальником будет» – решил он и принес ребенка домой. Своих детей у пастуха не было, и он был бы рад оставить найденыша у себя. По обычаю следовало сначала показать его джаамату (собранию совершеннолетних мужчин аула) и спросить у него разрешения. Любое решение джаамата является законом для всех жителей аула и даже для хана. Хотя должность пастуха

общественного стада в селениях хазар в то время считалась малопочетной, пастуху все же разрешили усыновить найденыша.

За долгую полную лишений жизнь пастух со своей женой так натерпелись от сильных мира сего, что решили назвать своего приемного сына Номуслу, то есть Справедливый. Найденыш рос сильным, резвым и достаточно смышленным мальчиком. Приемные родители в нем души не чаяли, и пастух не переставал с гордостью повторять: «Однако начальником будет». Номуслу помогал своим приемным родителям, как мог, а к восьми годам стал зарабатывать на свое обучение грамоте. Благодаря своей смышленности и трудолюбию он скоро стал самым известным человеком в Дагестане и на всем Северном Кавказе. Мощный разум, бесстрашие, хорошо развитое чувство справедливости и доброта сына пастуха снискали ему уважение и любовь честных, открытых и по-детски доверчивых жителей разных народов всего Кавказа. Очень скоро авторитет Номуслу так окреп, что его стали приглашать для решения различных споров. Известность Номуслу настолько выросла, что ей завидовал даже сам падчах. Богатых и власть имущих стали раздражать заступничества Номуслу за обез-

доленных и обманутых. Сначала они пробова-
ли его запугать, затем подкупить, когда обе за-
теи провалились – просто убить. Однако, воль-
ные джигиты зорко охраняли сына пастуха, а
старейшины аула, в котором он жил, постано-
вили сделать Номуслу главным судьей всех Ха-
зар. Падчах был вынужден согласиться и одоб-
рить назначение Номуслу на этот пост, но, бу-
дучи одним из хитрейших и коварнейших людей
своего времени, он затаился до поры до времени.

Каждый раз, выступая перед народом,
падчах очень тонко расхваливал ум, благород-
ство, знания и бескорыстие сына пастуха. Он
знал, что тонкая лесть – это крепкое вино с при-
ятным запахом и вкусом, когда его пьешь, но с
жуткой головной болью и беспамятством, по-
сле того, как выпьешь достаточно много. Пад-
чах, кроме того, сделал тайное распоряжение
всем своим ханам, нукерам и баям всячески
расхваливать и одаривать сына пастуха.

Дело в том, сынок, что всем людям, даже
самым выдающимся свойственно ошибаться,
ошибки судей тоже встречаются. Самое глав-
ное не повторять одни и те же ошибки и ста-
раться учиться на ошибках как своих, так и чу-
жих. И если есть, хоть какая-то возможность,
постараться не задерживаться с исправлени-

ем собственных ошибок. А как исправить собственную ошибку, если твое мнение вознесли до небес и щедро одарили за него. На это и рассчитывал коварный падчах. Он решил победить и обезвредить Номуслу за счет его развитого чувства совестливости. Как рассчитывал, так и случилось, хотя и не сразу. Прислушивающийся к лести, обязательно будет побежден ею. Когда вырастешь, никогда не позволяя хвалить себя. Помни, что добросовестный труд – твой первейший долг, прежде всего перед собой и перед Богом. Вдохновенный, добросовестный труд не нуждается в награде со стороны. Он несет эту награду в самом себе.

Номуслу всегда судил по совести, падчах во всеуслышание хвалил и щедро награждал его. Он заставлял и своих приближенных, «пострадавших» от справедливых решений Найденыша, во всеуслышание хвалить и одаривать его. Падчах лично следил за каждым делом, которое разбирал Номуслу. Как только он находил неполноценное решение, то тут же начинал расхваливать именно это решение и сверх всякой меры одаривать за него Найденыша. Когда Номуслу позже понимал, что ошибся, то не хватало сил выступить против своего первого решения. Он боялся подвести

тех, кто расхвалил это решение и одарил его. Раньше, до того как падчах придумал эту хитрость, Номуслу никогда не стеснялся изменить свое мнение, если он убеждался, что оно неверно. Первое время, понимая, что ошибся и уже не может исправить ошибки, Номуслу очень страдал, но падчах и, начавшие обо всем догадываться, советники притворным сочувствием и очень тонкой лестью притупляли и успокаивали его совесть. Постепенно ошибок становилось все больше, но сын пастуха их уже почти не замечал. Он стал настолько самоуверенным, что перестал (как он это раньше делал) тщательно расспрашивать и взвешивать показания свидетелей от пострадавших и ответчиков. Да что здесь долго рассказывать?! Номуслу вскоре стал таким же судьей, как и все посредственности, которые пекутся только о деньгах, и собственной власти.

Обездоленные и притесняемые сильными мира сего перестали с некоторых пор искать защиты у Номуслу, и он большую часть своего времени проводил в пирах и праздности. Он не мог обходиться больше без званных ужинов, балов, королевской охоты и других подобных развлечений. Круг его знакомых и друзей постепенно сужался, пока в нем не оста-

лись только падчах, князья и богатые купцы. За развлечения и праздный образ жизни, рано или поздно всегда приходится платить здоровьем и уничтожением собственной души, которая незаметно отмирает при искривлении совести. Почему бы ни отдать общественный луг во временное пользование ханскому табуну или еще что-нибудь сделать такое временное, например, не вменить в обязанности джаамату каждого хазарского селения бесплатное обеспечение фуражом и питанием нукеров хана?! Все это, конечно, под благовидным предложением временной помощи, испытывающему в настоящий момент трудности хану или падчаху – благодетелям всех хазар. Однако, сынок, накрепко запомни, что ничего не бывает постоянного временного. Если тебе будут когда-либо предлагать временно потерпеть, временно одолжить, временно потесниться, ты, прежде всего, должен будешь задать себе вопрос, согласен ли большую часть своей жизни или может даже всю оставшуюся жизнь потратить на то, чтобы терпеть, тесниться и так далее? Если – нет, то не принимай никаких временных условий, не оговоренных кратчайшими сроками.

Сын пастуха был достаточно умным человеком и не мог не понимать, куда он постепен-

но скатывается. Только жизнь, сынок, имеет одно очень удивительное свойство: чем меньше в тебе отваги и гражданского мужества, чем на более поздний срок ты откладываешь решение своих неотложных дел, тем запутаннее и сложнее они становятся и, наоборот, отважному человеку открывается до гениальности простое решение любой самой сложной задачи.

Однако, не смотря ни на что, сын пастуха был все-таки достаточно сильным и смелым человеком. Силу и смелость Человек всегда черпает в чувстве любви к своим ближним и их к нему, а Номуслу воспитывали и растили с большой любовью и щедростью души. Просто, видимо, не подошло время, чтобы он очнулся от того кошмара, в котором оказался по вине собственной минутной слабости и некоторой душевной лени. Помог ему очнуться случай, но прежде, чем поведать о нем, хочу Вам рассказать про те недавние времена, когда Номуслу был еще мальчиком лет десяти.

В то время по соседству с ними жила одна молодая семья – муж, жена и маленькая дочурка лет четырех. Номуслу однажды спас ее, когда она тонула и с тех пор девочка очень привязалась к нему и бегала за ним, как хвостик. Он тоже привязался к ней. Самые вкусные ягоды

в лесу были ее, самые красивые бабочки и цветы, также доставались ей и все, что он мог достать и сделать самого-самого, было ее. А человек так устроен, сынок, что он любит другого за то хорошее, что сам же ему и сделает. Когда станешь взрослым, помни об этом. Стоит тебе, хотя бы один раз поступить несправедливо и сделать больно другому, и ты уже станешь меньше его любить. Несправедливости и боль постепенно накапливаются и бывшие влюбленные становятся самыми непримиримыми врагами, но каждый ненавидит другого за ту боль, которую сам же ему и причинил. Запомни это, сынок, и слушай дальше... Прошло некоторое время. Девочке было ещё всего навсего двенадцать лет, когда Номуслу стал одним из самых храбрых и достойных джигитов в ауле. Как я тебе уже говорила, благодаря своей честности и трудолюбию, а также выдающемуся уму, он стал самым известным человеком в Дагестане. Девочка уже стеснялась быть его постоянным спутником, и они стали встречаться не так часто, а в последнее время, когда с Номуслу приключилась беда, о которой ты уже хорошо знаешь, они вовсе перестали видеть друг друга. Пока судья купался в роскоши и постепенно терял свою отвагу, девочка подросла

и превратилась в самую красивую и славную девушку в Дагестане. У каждой девушки обязательно наступает такое время, когда она становится самой-самой, и если какой-либо джигит заметит это и первым откроет девушке глаза, то эта пара становится самой счастливой в мире.

От сватов у девушки не было отбоя, но она ни за кого не хотела выходить замуж. Она отказала даже самому падчаху, который хотел сделать ее своей четвертой самой любимой женой. Как ты уже знаешь, сынок, падчах был очень коварным человеком и, конечно, не мог простить ей отказа, и через некоторое время родители девушки вынуждены были отдать ему дочь в наложницы за долги. Однако такое решение обязательно должен был утвердить суд.

Как только судья (это был наш Номуслу) узнал в девушке ту самую маленькую девочку, вмиг пелена, умело сотканная падчахом, из тонкой постоянной лести спала, и Номуслу увидел весь позор своего теперешнего положения. Только это был уже прежний Номуслу, которому отваги и ума не надо занимать. Словом, сынок, суд постановил, дабы все видели справедливость Падчаха отсрочить плату родителям девушки на сутки. За это время Номус-

лу все свое несправедливо нажитое состояние продал с молотка, отдал все вырученные деньги родителям девушки, и они смогли погасить свой долг. Номуслу потерял все свое состояние и должность главного судьи, но приобрел вновь любовь девушки и вернул свое доброе имя. Думаю, сынок, что это было самым лучшим приобретением в его жизни. Он женился на девушке и был очень счастлив. Вместе они нажили много детей и внуков и, когда состарились, в один из прекрасных весенних дней взявшись за руки, как в детстве, ушли далеко-далеко в край сказок. В мире одной сказкой стало больше, но это уже другая сказка, сынок. Будем надеяться, что Офу (Сталь) будет похожим не на падчаха, а на Номуслу.

Надежды не оправдались. На письма моих сестренек вообще не было никакого ответа, и бабушка стала называть Сталина не Офу, а Мииклы, что означает Усач. Однако эта сказка помогла пережить нам всем ту страшную ночь. У меня с тех пор осталась твердая уверенность, что даже самые, казалось бы, страшные беспроблемные ситуации, можно пережить и одолеть. После смерти Мииклы, дядю освободили, и мы дети еще долго купались в теплых лучах его могучего духа.

Пропасть

Бабушка Мамуш (мама моей мамы), тетя Машур (сноха моей мамы) и дядя Хануко (старший брат моей мамы Алтынгыз), как и моя любимая бабушка Пенышь, все уже находятся в краю нерассказанных сказок. Я иногда чувствую, как они наблюдают за нами, радуются нашим радостям, огорчаются из-за наших неудач и пробуют подсказать что-то, уберечь от очередной глупости. Душевная глухота не позволяет нам общаться с миром волновой реальности, где они находятся, и мы за корпускулярную носа не суем. Однако мне с самого детства очень повезло. Благодаря бабушке Пенышь и

ее сказкам, я в волновую реальность заглядывал очень часто. Первый раз я попал туда ..., но лучше все по порядку.

Мне исполнилось почти два с половиной года, когда мама впервые повезла меня к своим родителям и оставила в Махачкале на попечении бабушки и своего старшего брата Хануко. Дом ее родителей стоял прямо на берегу Каспийского моря. В то время я ко всему относился совершенно спокойно, как к само собой разумеющемуся. Мне казалось, что все происходившее со мной, уже было, и, хотя впервые видел море, не испугался и не удивился, а отнесся к нему с доверием, как к хорошему добродругу. Море в тот день было тихое и ласковое, и мы с дедушкой получили огромное удовольствие от купания. К сожалению, в свой первый приезд в Махачкалу пробыл я в городе не более пяти дней, хотя мама и бабушка Пенышь рассчитывали, что погощу там не менее месяца. Это было бы большим облегчением для моей семьи, но в то время я этого конечно не понимал. Случилось так, что дядя Хануко, стараясь приучить меня к дисциплине и порядку, с первых же дней моего приезда был со мной очень строг. Не помню, за какую провинность буквально на третий день он отвесил мне лег-

кий подзатыльник. Я не был приучен к такому обхождению и, хотя было совсем не больно, обиделся и рано утром самостоятельно пошел к берегу моря. Там я выбрал густой зеленый лужок, уютно устроился и стал просто прислушиваться к шуму моря и смотреть на бегущие в небе облака. Внезапно я ощутил присутствие бабушки Пенышь, чувство обиды и одиночества постепенно прошло, и я умиротворенный крепко уснул. В доме бабушки Мамуш в это время царило что-то невообразимое. Потерялся маленький внучок, очутившийся впервые в большом городе и на море, потерялся старший наследник одной из основных ветвей рода Таша. Меня целый день искали все домочадцы и соседи, а я невозмутимо спал на берегу моря в густой шелковистой траве. Нашла меня тетя Машур поздно вечером. Когда меня разбудили, небо было сказочно звездным и образ бабушки Пенышь, охранявший мое спокойствие, исчез в этой звездной вечности.

Все домочадцы были поражены моим спокойствием и невозмутимостью, ведь мне не исполнилось еще и трех лет, а я в одиночестве провел почти сутки на берегу моря, которое видел впервые в жизни. Детская интуиция подсказала мне, что не стоит им рассказывать о при-

чине моего спокойствия и невозмутимости, то есть о бабушке Пенышь, охранявшей меня на берегу Каспийского моря.

Страх – это всегда отсутствие понимания происходящего. Я для маминой родни так навсегда и остался непонятым человеком, от которого не знаешь, что и ожидать, но, не смотря на это, с того самого дня все они меня очень уважали. По настоящему, кроме бабушки Пенышь и дяди Еготыиля, меня никто даже и не пытался понять. Позже я осознал, что понимать человека – это означает любить его, а меня любить было достаточно трудно, так как я был очень нестандартным ребенком. Нестандартность сохранилась до настоящего времени, поэтому вместе с преданными добрыми друзьями у меня имеется много тайных ненавистников, считающих меня ханжой. Спасает от неприятностей только лишь то, что я очень люблю свою маму, сестренку, племянников, братьев, жену, детей и настоящих друзей, поэтому мне с ними легко, комфортно и свободно... Так или иначе, меня на другой же день отправили домой, и мое знакомство с родней прекратилось до наступления лучших времен.

Дома мама долго и нежно ласкала меня, что я даже почувствовал себя несколько вино-

ватым. Когда, оставшись наедине с бабушкой, я спросил ее, как она может незаметно для других летать по воздуху, бабушка ласково улыбнулась, опустила свою волшебную ладонь мне на голову и я, как всегда, засыпая, попал в сказку, главным героем которой был сам.

...Горы, ночь, звездное небо и я, устраивающийся на ночлег, среди этого великолепия. Какая-то обида гложет меня, острое чувство одиночества, желание кому-то что-то доказать и полная неопределенность, то есть я сам не знаю чего хочу. И сон не идет, и бодрствовать не бодрствую. Какое-то трансовое состояние. Остро ощущаю отсутствие всемогущей опеки бабушки Пенышь. Свобода и угроза реальной опасности. Такого со мною еще никогда не случилось. Огромным усилием воли расцепляю слепленные тяжелые веки. На ветвях дерева, под которым я уютно устроился, огромный снежный барс. Немигающий, насквозь просвечивающий взгляд направлен прямо на меня. Панический страх. Не рассуждая, вскакиваю и опрометью бегу прямо в никуда. Куда мчался, туда, по-видимому, и попадаю. Абсолютная темень, проваливаюсь в какое-то облако. Пробую в падении ухватиться, хоть, за что-нибудь спасительное. В руках толстая, упругая ветвь

живого дерева. Она мягко тормозит мое стремительное падение, но я долго еще не в состоянии избавиться от липкого животного страха и осмотреться вокруг. Время как бы остановилось. Наконец, я начинаю постепенно ощущать свои руки, ноги и всего себя. Возникает некоторое осознание реальности: жив, не разбился, внизу ужасная бездна, ощущаю это всей кожей. В полной темноте стараюсь перебраться поближе к стволу дерева по ветке, которая спасла мою жизнь. Нащупываю ветку вверх. Что-то липкое и пахучее. Чтобы не скользили руки, осторожно облизываю их одну за другой. На вкус достаточно сладко. Очень похоже на сладкие ягоды. От сильного страха и внутреннего напряжения машинально тянусь за ними и жую без остановки достаточно длительное время. Это успокаивает, придает силы и некоторой уверенности в себе. Страх постепенно исчезает, вернее я запихиваю его куда-то вглубь своего подсознания. В вечном страхе смерти невозможно ни жить, ни просто думать или что-либо делать.

Я снова принимаюсь за ягоды. А что если там, куда я собираюсь переползти, ягод не будет?! Надо впрок как следует подкрепиться. Устраиваюсь поудобнее и на ощупь в темноте

собираю ягоды и кладу себе в рот. Они настолько вкусные и сладкие, что не только об опасности, но и обо всем остальном на свете забывается. Насытившись до отвала, тупею и засыпаю. Через некоторое время чувство голода будит меня, и я опять наедаюсь до отвала. Самое удивительное это то, что, сколько бы я не ел, ягод не становится меньше. Сон, ожорство и отупение постоянно чередуются между собой, не оставляя ни малейшего места для осознания происходящего. Однако, постоянная сытость постепенно приедается и, в ожиревшем до безобразия мозге, начинают пробуждаться какие-то мысли типа: «На Западе ягоды самые сладкие и поэтому, когда их ешь, не можешь остановиться и наедаешься до полного отупения, становясь похожим на сытую обезьяну. Ягоды Северной стороны водянистые и безвкусные и растут не так кучно, поэтому, чтобы, хоть, немного утолить голод приходится очень много трудиться. От чрезмерной усталости тупеешь и становишься похожим на полудохлую клячу. На Юге ягоды сладкие, но, поев их, надолго впадаешь в летаргический сон. Время как бы перестает существовать».

А вот, что со мною случилось, когда я впервые отведал ягод на Восточной стороне

дерева. Пропал аппетит, непонятная тоска заставила напрячься заплывшие жиром извилины мозга, и жир стал плавиться, преобразуясь в первые смутные «откровения»: «Господи, я достаточно долго живу на этом дереве, и до сих пор не видел ни капельки света! Неужели здесь нет родного всемогущего Солнца и, как до сих пор я мог обходиться без Него?!» Потрясенный этим прозрением я долго не мог успокоиться. Наконец, стал ощущать реальный бег времени. Бег времени без лучей всемогущего Солнца – самая ужасная напасть для проснувшегося человека. Так случилось, что за время, проведенное на этом дереве, я начисто забыл о том, как выглядит Солнце. У меня осталось лишь смутное понимание того, что Оно должно существовать, что без Него я никогда не мог возникнуть, что существую я на самом деле, как его сознательная частица. Почему же тогда Оно забыло обо мне, почему его не тревожит моя судьба?! Я понимал, что ответы на эти и многие другие вопросы надо искать на Восточной стороне дерева, но идти в ту сторону было страшно и непривычно.

Голод дал о себе знать и я, поев немного ягод на Южной стороне дерева, снова впал в летаргический сон. Сколько времени прошло

не знаю, но даже в летаргическом сне я не мог забыть уже о Востоке. Время от времени я пробирался на Восточную часть дерева и поедая там немного ягод. Новые откровения стали посещать мой мозг. Состояние это было непривычным и достаточно мучительным для меня. Несколько раз я инстинктивно возвращался в «летаргическое» или состояние «сытой обезьяны», но полностью отрешиться оттого, что я испытал на Восточной части дерева, я уже не мог. Страх на Восточной стороне возникал еще и потому, что там явно слышались глухие рычания-мяуканья, собравшегося на верху прайда диких кошек, и явственнее ощущалась бездонность пропасти, над которой каким-то чудом росло дерево.

Однажды, поев восточных ягод несколько больше обычного (для этого надо было пройти по ветвям далеко на Восток), я почувствовал, что что-то вокруг меня очень сильно изменилось. Изменения я не видел и не понимал, я ощущал его по головной боли, которая никак не хотела оставлять меня. Потом я сообразил – головная боль исчезает при закрытых глазах. С - В - Е - Т!!! Света, как такового еще и не было, просто темень стала пожиже, но одно это с непривычки очень сильно утомляло глаза и поэ-

тому вызывало головную боль. Господи, что же со мной случится, когда я увижу само Солнце?! Я, наверное, просто умру, нет, исчезну в его лучах, как будто меня вовсе и не было. Что же получается – Солнце это гибель?! Н - Е - Т!!! Я никогда с этим не соглашусь! После такой бури мыслей ощущаю, что значительно легче переносу теперь «разжиженную темень». Ура! Кажется нашел путь к спасению и выходу из состояния сытой обезьяны – надо заставлять себя думать, не переедать ягод, оставаться всегда чуточку голодным и забывать об этом под напором мыслей. Однако, как хочется сильно кушать... И я снова впадаю в летаргическое состояние. Очнувшись, очень сильно сокрушаюсь, от чего без всякого чувства голода начинаю есть ягоды «сытой обезьяны». Продолжаю себя сильно ругать и ненавидеть всеми силами и совсем превращаюсь в сытую обезьяну, добавок ко всему, больную паранойей в самой тяжелой форме...

Солнце, я знаю, что Ты есть, я верю, что достигну Тебя, я люблю Тебя! Прозрения продолжают. Понимаю, что, сокрушаясь, я разрушаю себя. Это самый первый урок хорошего отношения к себе. Пробую вызвать у себя чувство любви к самому себе. Творится что-то не-

понятное. Становится гораздо светлее и от этого не болит голова. Но как это может быть, ведь я стою на месте и никуда не двигаюсь?! О, ужас! Темнота во мне самом, я источник темноты?! Опять становится темнее... Но и Свет во мне! Я могу освещать. Но Света почему-то от этих мыслей не прибавляется. Эврика!!! Свет появляется от Любви... Темнота, как бы нерешительно отступает... Что такое Любовь? Становится еще чуточку светлее. Любить себя... На горизонте появляется узкая еле заметная оранжевая полоска зари. Откудато наплывает жгучее чувство стыда... Свет не померк, наоборот, он становится мощнее. Бабушка, как я мог так поступить?! Пропать исчезла, растворилась, но Барс остался. Глаза его по прежнему были достаточно строгими, однако в них сквозило дружелюбие и, как мне показалось, гордость за меня...

Я даже не задумывался раньше о том, как я тебя сильно люблю! Яркое, но совсем не ослепительное, как раньше Солнце смотрело прямо на меня. Глаза бабушки Пенышь лучились таким же теплым светом. «Я люблю тебя, сынок, пора вставать...» – «Я люблю тебя, бабушка! Спасибо за барса». – «Будь счастлив, Шамиль...»

Сказка о
потерянном
рае

Полная растерянность и очень тяжелое состояние духа. Сегодня у меня так называемый черный день. Однако черным оказался не только день. И эта прекрасная белая Петербургская ночь тоже черна. В голове никаких мыслей. Я просто робот без чувств и эмоций. Только где-то там, далеко, на задворках сознания щемит сердце. Так случается, когда ты, вдруг, узнаешь, что тебя предали. На меня внезапно свалилась большая беда, а большая беда всегда внезапна, даже тогда, когда ты ее ждешь. Иногда, в такое же состояние впадаешь, когда спадает пелена иллюзии, и откры-

вается полная правда о самом себе. В таких случаях природа охраняет человека от непосильного испытания, лишая возможности отреагировать, то есть, давая возможность выжить. Такое у других людей я видел много раз. И у меня раньше это 2 раза уже было. Первый раз мне было 24 года, и я еще, как, оказалось, мог плакать. Второй – когда я при помощи метода Стэна Грофа перенесся во времени. Не в общем времени, а окунулся в личное свое совсем недавнее прошлое, отсчитываемое десятилетиями лет и очень далекое, насчитывающее тысячелетия. Об этом в свое время с благословения Творца-Вседержителя будет написано еще много сказок, а пока сказка о моей бабушке Пенышь. Память о бабушке всегда вытаскивает меня из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций.

...Слезы у меня текли рекой. И откуда они только брались в таком количестве?! На людях я как-то еще держался, но стоило ощутить, что я один и на меня никто не смотрит, как слезы норовили создать вселенский потоп. Плакал я по лучшей половине своей души. Я чувствовал такую внутреннюю опустошенность, что был уверен – моя душа умерла вместе с моей любимой бабушкой Пенышь. Нет, конечно, меня

крепко любили и продолжают любить мама, сестры, братья, другие родственники и друзья. И я всех по настоящему люблю той любовью, перед которой достоинство Человека всегда выходит на первый план и является живой водой, питающей твою любовь к нему. Но простят меня мои родственники и друзья – бабушка Пенышь действительно жила, и продолжает жить (это я только сейчас понял) в лучшей половине моей души. Она даже той неизбежной болью, которую нанесла, уходя в новые для себя миры, сделала мне роскошный подарок. Боль разбудила мое спящее сознание, и я стал лучше видеть и понимать окружающих меня людей и все сущее вокруг. Я стал терпеливее, мягче, внимательнее и мудрее по настоятельной потребности своего сердца, в котором до сих пор живет бабушка Пенышь, мой первый Учитель.

Прошу благословения твоего, бабушка, и помощи, чтобы мог вернуть из забвения я сказку о бессмертии Любви, терпении Мудрости, несокрушимой мощи Доброты и, оживляющей даже прах, божественности Веры. Все это делает Человека воистину свободным и бессмертным, где бы он ни находился, на «том» или «этом» свете.

Жаркое июньское раннее утро. Давно не

было дождя. Зелень поблекла и поскущнела, а земля кое-где даже растрескалась. Бабушка Пенышь ласково будит меня. Пока Солнце не начало припекать, надо успеть полить огород. Он находится за несколько километров от нашего дома. Иногда я с удовольствием иду или еду туда на велосипеде вместе с дядей Еготыилем, которого очень люблю. По дороге он часто рассказывает мне разные занимательные истории о генералиссимусе Шамиле, Иване Подубном, Валерии Чкалове и других героях. Рассказчик он очень хороший, и я чувствую себя, то могучим борцом, презиращим коварство, то отважным и мудрым Имамом или бесстрашным летчиком. Время пробегает достаточно быстро, и мы, досыта напоив растения влагой, весело возвращаемся домой. Однажды мне впервые предстояло поливать огород самому, но я стал искать любой повод, чтобы манкировать это мероприятие, сам не понимая почему. Бабушка заметила мое настроение и решила пойти на огород вместе со мною. Она-то давно знала, что любая работа, выполняемая без души в силах погубить самое прекрасное начинание, а огород тем более. Ведь не зря сказано в Торе: «Сделанное с любовью – сделано навечно». Хотя, мне было очень не-

ловко, но что-либо изменить уже было поздно. Бабушка ходила более степенно, чем мы с дядей Еготыилем, и сказка получилась неспешная и отменная.

...Было ли, не было ли, но в одном из горных аулов Дагестана некогда славилась своей добротой, кротким нравом и щедростью одна молодая женщина. Муж у нее был работающий. Еды, одежды и денег у них было вдоволь, и дом был самым богатым и красивым во всей округе. Детей у них пока еще не было, и жили они в свое удовольствие. Он мог предсказывать погоду, поэтому урожай на их полях поспевал и собирался вовремя. Ни одного зернышка не пропадало. Она тоже относилась ко всему очень бережно, и люди говорили, что Аллах соединил их вместе, чтобы остальным было с кого брать пример. Односельчане любили и уважали их, часто спрашивали совета, а иногда пользовались и непосредственной помощью. Они пророчили молодоженам долгую и счастливую жизнь и говорили, что приближенные Аллаха отведут обоих сразу в конце жизни в райскую обитель.

«А что такое Рай, Бабушка?» – «Рай, сынок, это такое место... это даже не место, это другая Вселенная. Там человек по-настояще-

му чувствует себя Человеком». «А разве человек не всегда чувствует себя человеком?» – «Конечно, нет, сынок. Разве тебе сейчас не стыдно, что огород пошла поливать и я, хотя ты хорошо знаешь, сколько у меня осталось дома дел?» – «Бабушка, не обижайся, я постараюсь помочь тебе вечером». «Я не обижаюсь, сынок, слушай дальше и не так сильно беги, а то я еле поспеваю за тобою...»

И, действительно, они казалось, никогда не уставали и всегда были приветливы с соседями и вообще со всеми. С удовольствием ходили на праздники, помогали ближним, и никто никогда не слышал из их уст какого-либо бранного слова. Казалось, их уста могут только улыбаться в полном согласии с глазами, сердцем и умом. С соседями им тоже повезло. Они также были приветливы и доброжелательны. Они часто бескорыстно помогали молодым управляться по хозяйству, ведь хозяйство было большое, а батраков молодые не хотели нанимать.

Через некоторое время у них родился ребенок. С виду это была прелестная девочка, и родители в ней души, как говорится, не чаяли. Однако девочка с пеленок отличалась дурным и капризным нравом и очень нещадно изводила родителей. Однажды, когда она совсем за-

мучила своими капризами родную мать, к ним постучался нищий. Муж в это время находился в поле. От нищего очень сильно воняло, к тому же он появился очень не кстати. В это время она укладывала малышку спать, но девочка так раскапризничалась, что ее пришлось убаюкивать почти целых 2 часа. Нищий все это время ворчал и учил ее, как надо убаюкивать детей. Он просто завидовал их достатку. Хотя, вид у нищего был очень жалок, он был изрядно хамоват и назойлив.

Иногда такое, сынок, случается. Чем неувереннее в себе человек, тем он нахальнее. С таким человеком очень трудно быть приветливым и терпеливым. Однако на самом деле эти люди, как правило, беззащитны и очень нуждаются во внимании и чуткости окружающих. Никогда, сынок, не обижай их, походя.

Молодая женщина сначала терпела, терпела, а затем обиделась. Слово за слово и они крупно поссорились. Женщина не только не пригласила его передохнуть, умыться с дороги, как она обычно делала с гостями, а просто сунула ему заплесневелую краюху хлеба, которую даже птицы не стали бы клевать, и прогнала вон. Когда нищий вышел за порог, он уже не был похож на нищего, скорее он напоминал

святого. В сердце женщины закрался страх, она почувствовала, что-то неладное и, быстро забежав в дом, вынесла большой кусок сыра и молоко, но нищего уже нигде не было. Он, как сквозь землю провалился. Некоторое время женщину мучила совесть и в сердце ее поселилась тревога. Однако человек устроен так, что стоит ему обидеть кого-либо, и он начинает входить, как говорится во вкус. «Ишь, барин, какой, не мог дождаться» – рассердилась еще больше женщина. В душе она всегда кичилась своим превосходством перед другими, а о нищих и говорить не приходилось. Да, любая работа спорилась у нее в руках лучше, чем у многих, и достаток у нее был отменный, и любящий муж – одно загляденье. «Однако, сынок, это еще не повод для гордыни. У кого действительно есть превосходство перед другими, тот не станет кичиться им, а перед Творцом все мы равны. Запомни это, сынок». «И нищий тоже? И, вообще, откуда берутся нищие? Почему люди становятся нищими?» – засыпал я бабушку вопросами, вспомнив, какое брезгливое чувство некоторые, особенно грязные и совсем опустившиеся люди у меня вызывали.

«По-разному бывает, сынок, но всегда человек сам, то есть его собственные мысли, ве-

ра и душевный повседневный настрой, который мы, как правило, не контролируем и является причиной всех бед человека, в том числе, и нищеты. Отсутствие достатка это еще не нищета. Нищета это состояние ума и души».

Здесь я сразу вспомнил про своего соседа Алешку и его мать Бегидо. Как-то раз Алешка зашел к нам во двор. Хотя он был на год младше меня, выглядел он в тот момент, как маленький старичок. «Мама не хочет жить» – то и дело причитал Алешка. Расспросить или успокоить его мне тогда так и не удалось, и я, как всегда в таких случаях повел его к бабушке Пенышь. Она с присущей ей сердечностью расспросила, успокоила и вселила в него надежду. Тот далекий 1949 год запомнился мне чувством постоянного голода. Голод и нищета были повальными. Хотя мама и бабушка старались зарабатывать из последних сил, мы тоже частенько голодали. Однако я, сколько не вспоминаю, в настроении взрослых и детей нашей семьи никогда не ощущалось отчаяния и обозленности на жизнь как таковую или на кого-нибудь еще. Когда Алешка немного успокоился, бабушка собрала в узелок кое-какую одежду, немного еды – это была последняя еда в нашем доме и, мы в тот день остались голод-

ными – и пошла к Бегидо в дом, поручив Алешку мне. И что удивительно, не только взрослые члены нашей семьи, но и мы, дети, в тот день были на каком-то эмоциональном подъеме и совсем не ощущали голода.

Мне было очень любопытно, что же там творится и, что бабушка будет делать в доме у соседей. Картина, которую я тогда увидел, врезалась в мою память навсегда. Бегидо сидела на приступке давно затухшей печки в одном ветхом платишке. Она в истерике хлопала себя руками по лицу и бокам, разрывая платье и царапая синюшную, покрытую от холода пупырышками кожу своего лица и тела. Сквозь прорехи платья проглядывало голое тело, без какого-то ни было нижнего белья. Из одежды – это было единственное, что у нее есть. Бабушка Пенышь пробовала привести ее в чувство, крепко обхватив плечи своими руками, но Бегидо успокоить, никак не удавалось. Она стала царапаться и колотить себя и бабушку еще неистовее. Выкрикивала различные бранные слова и просила всех убираться со своей жалостью ко всем чертям. Я был весь поглощен этими далекими воспоминаниями и не сразу заметил, что не слушаю сказку. Вернее, я пропустил ее мимо ушей, погружившись в нахлы-

нувшие воспоминания. Из остальной части сказки я запомнил только это: «Тем не менее, ничего особенного в течение месяца, двух не случилось, И, хотя, после этого случая ничего особенного не произошло, вся жизнь ее изменилась. Она по-прежнему была по привычке приветлива с теми, кто был приветлив с нею, но стоило кому-либо не угодить ей даже по мелочи и здесь уже пощады не жди. Она даже с мужем стала ссориться. То он плохо вытер ноги, то рубаху не так надел и тому подобные пустяки, над которыми они раньше просто смеялись. В семье постепенно исчезла радость. Несмотря на хороший уход за ребенком, дочка все чаще стала болеть. Когда в семье исчезает радость, то исчезает смысл самоотверженного труда, а самоотверженный труд, сынок, это мера твоей любви, мера осознания самого себя».

Да, мы уже и пришли, пора было поливать огород. С тех пор, каким бы уставшим я ни был или как бы сильно мне ни хотелось поиграть со сверстниками, я не разу не пропустил поливку огорода.

По дороге домой я все пробовал понять, что же такое Рай и просил бабушку Пенышь еще и еще раз рассказать мне про него. Хотя, я и до сих пор не представляю себе, что же такое

Рай, в тот день я впервые понял, что хорошие, добрые отношения с хорошими людьми (друзьями, знакомыми, близкими) и самоотверженная работа, когда она тебе в охотку еще не есть полновесное основание для пропуска в Рай.

Сказка
о родном
крае

У нас, в Моздоке, ночи такие звездные, каких я не встречал нигде в мире, хотя побродил по свету изрядно. Темнота завораживающая, бархатная, звезды крупные, яркие и млечный путь прямо у тебя над головой. У меня никогда не было страха темноты. Красоту ночи я познал с раннего детства. Так получилось, что лет с пяти все весенние, летние и осенние месяцы я спал во дворе. Бабушка Пенышь загоняла меня спать домой, когда шерстяное одеяло, которым я укрывался, покрывалось инеем. Я и сейчас люблю спать во дворе, но увы, загонять меня домой уже некому. Бабушка Пенышь вот

уже четыре года находится далеко-далеко в краю нерассказанных сказок. Иногда, правда, как в сегодняшнюю ночь, она приходит ко мне по млечному пути, и я вновь попадаю в детство.

...Я высоко в горах. Передо мною полные достоинства и суровой красоты скалы. На самой вершине одной из них добротная сакля, за нею черная бездонная пропасть, а над ней синее-синее небо. Оно совсем такое, как я рисую, а бабушка говорит, что такого неба не бывает.

«Салам, Малыш» – «Во алейкум ассалам, Дедушка». «Откуда ты Малыш и что здесь делаешь? Не страшно такому маленькому в горах?» «Какой же ты дедушка – удивляюсь я, – если не знаешь, что красивое не бывает страшным. И бабушка мне всегда говорит, что настоящий мужчина не должен ничего страшиться». «Значит ты, Малыш, хочешь стать настоящим мужчиной?» Да, я видел, это очень красиво. «Хорошая у тебя бабушка. А как ее зовут?» – «Пенышь». «Красивое имя, доброе. А отец твой кто?» – «У меня нет отца. Он умер. Его звали Вануш». «Очень рад тебя видеть, Шамиль кук Вануш. Я давно тебя поджидаю. Входи в мою саклю дорогой гость». «Спасибо дедушка, но как ты меня узнал или я уже в сказке?» – «В сказке,

Малыш, в сказке. Очень часто у нас на Северном Кавказе, когда хотят, чтобы сыновья вырастали отважными воинами, им дают имя Шамиль. Твоего деда тоже звали Шамиль». «Да, бабушка рассказывала о нем. Он очень рано погиб. Но откуда ты все это знаешь, дедушка? И кто такой тот Шамиль, в честь которого дают это имя? Я очень хочу к нему. Ты можешь отвести меня к нему или дорогу показать?» – разволновался я. «Ай-я-яй, Шамиль, сколько сразу много слов из твоего маленького рта. Разве бабушка тебе не говорила, что много сразу спрашивать даже женщине не красиво. Садись, поешь со мной. Будь мне гостем и другом. Мне нужны настоящие мужчины. Шамя ты сам потом узнаешь». – «А зачем тебе, дедушка, настоящие мужчины?» – вновь не выдержал я. «Настоящие мужчины нужны горам, чтобы не померкла слава наша, чтобы вечно цвела наша земля, и улыбки расцветали на лицах наших матерей, жен и детей. Храбрые, отважные воины нужны мне, чтобы держались враги подальше от нашей земли. Чтобы сильные не обижали слабых, а, наоборот, помогали им приобрести силу, достоинство и честь. Поредело мое войско, Шамиль, тезка мой. Многим бывшим воинам застал наш гор-

ный туман глаза. Не видят они теперь красоты, хотя многим кажется, что богатыри они, что чувствуют силу в груди. Разве будет богатырь драться из-за жирного куска мяса и обманчивого миража, материальных благ. Поубавилось богатырей, нечем пополнять их ряды. Подрастай скорее Шамиль. Запомни, чтобы стать богатырем, надо научиться видеть Красоту и стать свободным. Без Свободы не может быть Красоты и Силы. Лев не может быть красивым в клетке. Лев в клетке – это просто злобная, ленивая, драная кошка. Посмотри, Шамиль, на те хрустальные вершины гор наших, что ты видишь там?»

Мне почудился храп застоявшихся коней. А на вершине Эльбруса я увидел мчавшихся во весь опор на встречу восходящему оранжевому солнцу всадников. Солнце было большим-большим и оранжевым-оранжевым, совсем таким, как я рисую. Надо бабушке сказать, что в горах и снег, и солнце, и небо совсем такие, как я рисую.

...Ой, какой я глупый. Это же был дедушка Шамиль! Однако уже ни Шамиля, ни гор не было. Я очутился на берегу Терека. Он как всегда был быстрым и мутным, но чего-то не хватало. Не было плотин, удерживающих его в берегах.

Без них он был очень красивым.

«Вассалам алейкум, Шамиль кук Вануш» – «Во Алейкум ассалам, дядя Терек». «Куда дитя человеческое путь держишь?» – «В сказку». «Ты любишь сказки?» – «Да, дядя Терек». «Ступай тогда ко мне в воду, смелее. Я понесу тебя в сказку».

Вода темная-темная. Песчинки, щепки, камни по течению скачут, только рыба, даже самая мелкая и та против течения плывет. А течение сильное. «Почему, Терек, рыба вся против течения идет?» – «Долго рассказывать, Шамиль, но будь, по-твоему, расскажу кое-что, а кое-что и сам примечай». «Дядя Терек, прошу тебя, замедли свое течение немного для этой рыбки, она совсем из сил выбивается. Останови для нее свой бег, пожалуйста». «Ладно, будь, по-твоему, дам ей на час покой, но ничего хорошего из этого не получится, скоро сам увидишь». Ой, как рыбка радуется. Отдохни маленькая, сил наберись.

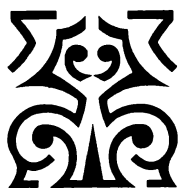
Час твой проходит, рыбка, проснись. Сейчас опять камни, карчи, песок тебя размолоть захотят, а более сильные рода твоего съесть. Но не может рыбка снова собраться, обмякла. «Еще один часик, дядя Терек!» – «Будь по-твоему, дам еще час». Но негде в стоячей воде

сил набраться. Не увернуться от скачущего валуна. «Берегись рыбка! Эх...»

«Нельзя плакать, Шамиль кук Вануш, воды во мне и так много. Будешь плакать, из берегов выйду, горе людям будет. Жалость и слезы добро не приносят. Предупреди ту рыбку. Она прямо к червячку плывет. Ишь, как заманчиво изогнулся, сытость без всякого труда обещает». Рыбка!!! Эх, поздно, вытянул ее рыбак. «Злой ты, Терек». «Не я жесток, Шамиль, рыба неразумна. Что тебе еще рассказать? Приходи, как надумаешь. Буду рад, приходи» – рокошет Терек.

«Бабушка, бабушка...» Но бабушки уже нет. С первыми лучами солнца она поднялась в небо, предоставив мне самому решать и осмысливать, что есть Добро и Зло, Прощение и Мечь, Любовь и Ненависть, Жизнь и Смерть. Кто такой Человек и зачем он нужен Вселенной.

Спасибо бабушка, что ты иногда приходишь ко мне, ведешь меня в сказку, даришь синее небо, оранжевое солнце и завораживающие неприступностью и красотой горы родного края.

Современная

сказка

Исполнилось ровно тридцать пять лет, как тебя, бабушка, уже нет рядом со мною. Благодаря твоей любви ко мне, веры в меня и твоим сказкам, я выдержал испытание временем без больших потерь. Живу, люблю своих близких и радуюсь их успехам. Получаю огромное удовольствие от своей работы. С твоими внуками, правнуками и праправнуками, тоже все спокойно и хорошо. Иногда, мне кажется, что жизнь практически не изменилась со времени моего детства, если не обращать внимание на внешний антураж: сплошная телевизио- и телефонизация, засилье рекламы и ее продукта –

вещизма. Вещи не успевают стареть и изнашиваться, то есть поменялось их прямое назначение. Много вещей из нашего окружения из вспомогательного подчиненного значения приобрели главенствующее. Они создают наш имидж, то есть маску, за которой не видно лица. Видимо поэтому у многих людей постепенно теряется смысл жизни. Человек надрывается в погоне за имиджем. Иметь продолжение рода своего уже не престижно. В лучшем случае в семье 1-2 ребенка и очень редко три. Стало очень много алкоголиков и наркоманов, то есть людей отчаявшихся и потерявшихся в этой жизни. Им очень трудно сочувствовать. Видимо поэтому некоторые горе ученые стали проповедовать, что человеческая жизнь не имеет никакого значения. Они даже организовали психологические тренинги, на которых обучают, кого надо первым ликвидировать в критических ситуациях (!?). Стало много явных и тайных бандитов, которым наплевать на человеческую жизнь. Они готовы уничтожить любого за все тот же «презренный металл», хотя вечной жизни не может гарантировать ни один металл и даже философский камень. Ты учила меня, что вечного в этом мире практически ничего нет, в том числе, и имиджа, за которым все

так гоняются. Даже то Солнце, которое мы видим, и наша Земля, на которой мы живем, тоже канут в Лету. Бессмертен только ЧЕЛОВЕК, осознавший себя, то есть сотворивший себя заново. Когда Ум, Сердце и ощущения человека сплавляются в Песню, в величайший гимн Любви, он может надеяться на Бессмертие. Возможно, тогда и Земля и Солнце тоже станут бессмертными. Вернее надо «вспомнить» это бессмертие, то есть жить и трудиться так, чтобы вспомнить свое Бессмертие. Об одном из таких случаев воспоминания и эта сказка. Случилось это еще во времена существования Атлантиды. Бабушка говорила мне, что и тогда жизнь, то есть ее основной смысл, практически не отличался от нынешнего, если опять-таки не придавать излишнего значения внешнему антуражу.

...Горы... Долины... Реки... Земля Атлантиды. Город с прямыми, красивыми улицами и высокими, залитыми солнцем домами. Зеленные копыа деревьев, очень похожих на наши тополя, тончайшее зеленное кружево деревьев, похожих на березу, подстриженные густые зонтики других окультуренных растений и яркие акварели цветочных клумб. Люди – нескончаемый поток масок. Озабоченных и бес-

печных, веселых и хмурых, добрых и завистливых. Размеренная, давно установившаяся жизнь большого города. Мелкие заботы и радости. У кого неприятности, у кого везенье, кого-то повысили по службе, кого-то уволили с работы – и так день за днем, месяц за месяцем и год за годом. Добавим к этому короткому наброску кучу агрессивно-привлекательных реклам, ежедневную, одурманивающую разум человека, ложь, которая мирно выливается из многочисленных программ радио и телепередач города и картина практически завершена. Хотя, для Пророков-одиночек очень ясно видна надвигающаяся катастрофа, их никто не воспринимает всерьез, так, как на первый взгляд, ничто не предвещает большой беды. Люди заняты интригами, повседневной суетой и развлечениями. Иногда, правда, размеренная жизнь города выбивается из колеи: забастовка авиадиспетчеров, волнения других рабочих и служащих по поводу снижения или подъема заработной платы; покушения на политических деятелей и бизнесменов и просто безрассудный, бессмысленный массовый терроризм. Затем снова размеренная, замешанная на лжи жизнь. И опять ничто не предвещает катастрофы, кроме одного – полное отсутствие

людей занимающихся самым главным в этой жизни – осмыслением жизни и осознанием себя и своего места в ней. Только это направление человеческой деятельности и рождает ту главную Песню жизни, ради которой Человек приходит на Землю. Она рождается иногда очень внезапно, как появились в свое время Рама Кришна, Лао-Цзы, Будда, Моисей, Иисус, Магомет и возможно другие безымянные Песни.

Это случилось в одном из многочисленных парков на летней эстраде. Выступал знаменитый пианист этого города лауреат Атлантиды Ван Мэй. С клавиш из под виртуозных пальцев кудесника Вана слетала и кружилась по парку чудная мелодия вальса. Не успели стихнуть последние отзвуки вальса, как полилась новая, еще более чудесная мелодия. На сцене стоял высокий юноша в голубом плаще и пел. Мелодия была без слов, но от нее становилось теплее на душе, хотелось жить, она призывала обнять весь мир. Песня окончилась, и юноши не стало. Он исчез так же, как и появился. Никто не мог сказать, откуда и кто он. Никто его до этого не видел, и никто раньше не слышал этой прекрасной Песни. Одна-ко оказалось, что юношу в голубом плаще видели

и на других эстрадах. С первыми звуками чудесной Песни на сцене появлялась фигура человека в голубом плаще, с последними звуками она растворялась в воздухе. Но чаще всего Песня лилась откуда-то сверху, заполняя все животворящим светом.

Странные вещи стали происходить с жителями этого города при звуках Песни. Самые злые и жестокие, становились добрыми и кроткими, как лесные лани. Самые жадные и завистливые становились абсолютно бескорыстными и щедрыми, а самые черствые и бездушные начинали проявлять заботу обо всех живых тварях. Слепые обучались видеть глазами своего сердца, а глухие слушать им. Но, к сожалению, Песня кончалась, и ее волшебное действие оставляло людей. Они снова начинали играть свои прежние хорошо заученные роли. Ссорились с соседями, прятали накопленное, наслаждались властью над другими, напропалую лгали и почти совсем не улыбались друг другу. Первым возвращалось от Песни к действительности градоначальство и бизнесмены. Министры, очнувшись от Песни, срочно открывали тайные совещания и начинали сочинять новые законы. Законы, по которым люди незаметно для себя забывали, кто

они есть на самом деле и для чего живут, то есть отучались мыслить и становились абсолютно беззащитными перед Ее Величеством Вечностью. Они погрязали в суете будней и теряли Бессмертие ради сиюминутной выгоды. Потом издавались другие законы, по которым узаконивались эти законы. На одно из таких срочных совещаний были вызваны все ученые города. Решался вопрос, как устранить из города Песню, которая рушит все основы установленного порядка.

Юноша в голубом плаще, ничего не подозревая, все чаще вместе с утренней зарею поднимался в небо и пел, когда все его существо переполняла музыка. Он пел для людей, и его Песня звучала удивительнейшим гимном жизни и солнцу.

А вопрос решался. Министры и ученые добросовестно думали. Думали о том, как уничтожить Песню. Однажды, как это уже не раз случалось, на одной из летних эстрад вместе со звуками чудеснейшей Песни на сцене появился Юноша в голубом. Он пел, как никогда вдохновенно. Со всех концов города к летней эстраде стекались замороженные Песней люди. Но туда же по приказу правительства города со всех ног спешили и мрачные стражники.

На голове и на теле поверх одежды у стражников блестела нелепая металлическая сетка. Сквозь металлическую сетку по замыслу ученых Песня не могла достигнуть сердца. Иногда мне, правда, кажется, что дело совсем не в металлической сетке, а в свойстве самого сердца стражников. Мы сами иногда без всяких сеток часто превращаемся в подобных стражников, когда делаем то, что противно нашей совести, а затем ссылаемся на то, что мы просто выполняли приказ или действовали под давлением обстоятельств.

Стражники взобрались на сцену и накинулись на Юношу, который продолжал петь. Они заставили его замолчать, угрожая избиением, и здесь произошло чудо, которое уже не раз происходило. С последними оборванными насильно звуками Песни Юноша стал невидим. Его тело, как бы растворилось в воздухе. Так и наши тела растворяются в матушке земле, когда заканчивается наша главная Песня. И если Песня не получилась, то от нас так ничего и не остается. Настоящая Песня – это как Осознание, которое, если состоялось, то уже становится неуничтожимым и продолжает жить и развиваться всегда, везде и во всем. Так и Юноша не исчез, а, воспользовавшись заме-

шательством стражников, взлетел вверх и там под лучами заходящего солнца продолжал петь. Обозленные неудачей стражники разогнали дубинками и слезоточивым газом зачарованных зрителей.

...И снова тайные совещания. Думают ученые, думают министры. Просыпаются люди. Люди начинают думать. Трудно, ох, как трудно стало заставлять их напяливать на себя блестящие металлические сетки. Не хотят люди лишать себя главной Песни своей жизни, не хотят бесследно кануть в Лету. Трещит фундамент, построенный на лжи. Но... Ракеты... Говорят ими можно задушить Песню даже в небе под самым солнцем.

«А что случилось с Атлантидой, бабушка?» Но бабушка опять ушла. Ох, как тяжело просыпаться, тяжело самостоятельно думать. Но Песня прекрасна и ее, самую Главную Песню своего сердца, так упоительно слушать. Удачи всем нам на этом Пути!

«...былое и будущее всегда встречаются и живут в настоящем, каждый раз, заново определяя судьбу прошлого, настоящего и будущего...»

Певучий, мелодичный язык сказок Шамиля Ташаева завораживает и погружает нас в мир мудрости и доброты, в мир неиссякаемого оптимизма и отваги. Несомненно, талантливая проза не только по уникальному содержанию, но и по языку, по строю произведений выше всяких похвал надеюсь, доставит читателю много радостных минут ощущения сопричастности к глубочайшим прозрениям в области природы Человека, человеческого Духа. Естественно, что такое не образуется из ничего и на пустом месте. Оставляя читателю самому по достоинству оценить этот замечательный труд, возьму на себя смелость вкратце поведать вам об авторе данной книги.

Ш. Ташаев родился 13 марта 1943 г. посреди Каспийского моря на теплоходе «Туркменистан», который шел в Махачкалу. Как видим, начало и вправду сказочное. Рос он в большой

дружной семье, где каждый вносил свою лепту в сказку под названием жизнь. Так как отец Шамиля Ташаева умер, когда сыну было всего полгода, и Шамиль был единственным мужчиной в семье, то уже с раннего детства ему пришлось осваивать мужские специальности. В 4 года он уже мог ездить на лошади, с 7-8 лет пилил и рубил дрова, вспахивал землю и разделявал барана. С 11 лет он овладел специальностями слесаря-кровельщика, плотника, каменщика, кочегара, токаря, электрика, докера и другими. Затем служба на Флоте, учеба в Ленинградском Университете и уже 30 лет работы на поприще науки в системе здравоохранения.

В настоящее время Шамиль Семенович Ташаев директор Института Психотерапии и Трансперсональной Психологии, где и происходят события еще чудеснее и сказочнее, чем в его сказках.

Более подробно можно познакомиться с Институтом на сайте www.iptr.sp.ru . Справки по телефону 100-31-03.

Сказка есть продолжение жизни!

Д.С. Додхоев

Содержание

От автора	3
Желанный берег	7
Бу нэ бу	17
Легенда о ничьей земле	31
Найденыш	49
Пропасьт	65
Сказка о потерянном рае	77
Сказка о родном крае	91
Современная сказка	99

Шамиль Семенович ТАШАЕВ
СКАЗКИ БАБУШКИ ПЕНЫШЬ
филосовские сказки-притчи

Верстка и дизайн Д.С. Додхоев

Подписано в печать 28.11.2002г.
Формат 60×88/16. Гарнитура "PragmaticaC".
Печать офсетная. 7 печ. л.
Тираж 750 экз. Заказ № 283.

Издательство "ИПТП",
199178, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., д. 55.
тел.: (812) 100-31-03
e-mail: iptp@mail.wplus.net
www.iptp.sp.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПК "Бионт",
199026, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 86.
тел.: (812) 322-68-43
e-mail: biont@trade.spb.ru

ISBN 5-902247-02-0

